

Крылья огненных драконов

Автор:

Алекс Орлов

Крылья огненных драконов

Алекс Орлов

Каспар Фрай #2

Каспар Фрай снова отправляется в поход.

Теперь враги угрожают всему герцогству: король Рембург – с севера и граф-разбойник с армией головорезов – с запада стремятся прибрать к рукам чужие земли и подданных.

Против Каспара порождение Синих Лесов – конница уйгунов, против него отборные наемники и эльфы-полукровки, не знающие промаха. На него направляют монстров из нижних миров, но рядом верные друзья, которые помогут. Вместе с изгнанником-дворянином, колдуном без диплома, гномом-кузнецом, эльфом-стрелком и прожорливым орком их ждет победа.

Алекс Орлов

Крылья огненных драконов

Под покровом ночи корабли с острова Красных Скал подошли по неглубокой воде залива к самому берегу. Здесь их никто не ждал. Посланные в разведку уйгуны, обшарив близлежащие холмы, вернулись к обрывистому берегу. Прикрываясь плащом, один из них высек кресалом огонь и зажег фитиль морского масляного фонаря. Затем поднял его над головой и стал подавать сигналы.

– Там никого нет, ваше сиятельство, – произнес смотревший на берег матрос, это он, зная звездные карты, провел корабли к указанному месту. За это ему была обещана жизнь, однако кто знает, что в голове у этого разбойника, самого страшного на всем восточном побережье.

Во всех портах Северного моря знали о графе-разбойнике.

Граф с минуту смотрел на метущийся огонек, потом сказал:

– Поднимай паруса, литтонец, мы идем к берегу.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – воскликнул матрос и бросился к своим собратям по несчастью, так же, как и он, захваченным на островах.

– Давайте, ребята, пошевеливайтесь, – почти просительно сказал он, стоявшие рядом с графом де Гиссаром уйгуны только и ждали приказа, чтобы покончить со всеми лишними. Желтые, светящиеся в темноте глаза графских слуг наводили на матросов ужас.

Паруса были подняты, и первое судно, подгоняемое ветром с моря, двинулось к берегу. На его носу с лотом в руках стоял еще один слуга графа – этот был моряком и сам отбирал людей для команды. Тех, которые не годились для дела или спьяну вздумали привередничать, уйгуны растерзали – прямо на глазах у остальных, чтобы преподать им урок. Потом развезли матросов по судам – двадцать их стояли под обрывистым берегом в бухте Эйд.

Это были двадцать купеческих ранбоутов, неповоротливых и тихоходных калош, годных лишь для плавания вдоль берега. Купеческие гербы с их бортов были срублены, поэтому нельзя было определить, кому они принадлежали.

От борта к борту стали перекликаться уйгуны. Они то лаяли, как собаки, то орала по-кошачьи. Поговаривали, будто эти твари умеют говорить человеческими голосами, однако за двое суток плавания литтонец не услышал от них ни одного слова. Только лай да рычание. Следом за головным судном паруса подняли и на остальных девятнадцати ранбоутах. Покачиваясь на волнах, они осторожно потянулись к берегу.

– Двенадцать футов! – крикнул моряк, измерявший глубину лотом. – Поберегись! Держись крепче!

Литтонец вцепился в канаты и сжал зубы. Ранбоут имел осадку в семь футов, и теперь им предстояло удариться о дно. К счастью, оно здесь было усыпано мелкой галькой и судно не рисковало пробить себе днище. Хотя какая разница, участь команды почти не вызывала у литтонца сомнений.

Последовал сильный толчок, судно проползло по инерции еще пару ярдов. Заскрипели снасти, застонал корпус, словно протестуя против такого обращения.

Не дожидаясь действий от перепуганной команды, уйгуны сами спустили в воду широкие сходни, а затем несколько воинов прыгнули за борт, чтобы удерживать мостки на волнах.

Из нижних просторных трюмов стали выводить лошадей, которые были под стать самим уйгунам. Невысокие, черной масти, с красноватыми глазами, Матрос-литтонец смотрел на них со страхом: животные рычали, словно дикие звери, и, перебирая копытами, спускались вводу.

С других кораблей, севших на мель, тоже начали высадку. Там, где десант составляли люди и их лошади, порядка было поменьше. Литтонец слышал грубую брань и испуганное лошадиное ржание – животные боялись зыбких мостков и ни в какую не соглашались спускаться по ним в черную воду.

При свете луны было видно, как колонны воинов двигаются к берегу. Почувствовав твердое дно, лошади успокоились и теперь только потряхивали мокрыми гривами.

Последними тащили зашитые в огромные кожаные мешки полотна шатров, они покачивались на волнах, похожие на морских чудовищ.

Граф и десяток уйгунов все еще оставались на судне, и матрос-литтонец, замирая от страха, ждал своей участи. Где-то за его спиной, на корме, прятались остальные. Они были так напуганы, что даже не пытались спастись вплавь. Никто из них и не заметил, как из темноты вынырнули уйгуны. Тускло блеснули тесаки, и началась резня – со всех ранбоутов в воду полетели тела.

Где-то еще кричали, а где-то все уже было кончено. Матросы были не нужны графу, и он мог бы отпустить их, однако уйгунским мечам требовалась кровь, без нее они ржавели.

– Ну что дрожишь, литтонец? – с усмешкой спросил де Гиссар, подходя к матросу. Бедняга не мог произнести ни слова, он упал на колени, из его глаз полились слезы.

– Я же обещал тебе жизнь, а свои обещания я держу. А вот твоим товарищам я ничего не обещал, и они уже за бортом. Прощай, литтонец, это тебе за службу...

С этими словами граф бросил на палубу золотой дукат и, взмахнув плащом, словно черными крыльями, зашагал к мосткам, следом за ним, сутулясь, поспешили уйгуны.

Оставив коня на попечение слуг, граф с двумя уйгунами поднялся на крутой берег пешком. На самом верху утеса ветер подхватил полы его плаща и стал трепать их словно флаг. Порывы колючего морского ветра де Гиссар истолковал как хороший знак. Его не встретили здесь ни отряды копейщиков, ни лавины камней да град стрел, а это значило, что о высадке войска в городе Коттоне ничего не знали.

Прежде, когда отряды графа двигались берегом, о его приходе узнавали заранее. Пока он жег город или слободу, уцелевшие беглецы разлетались невольными гонцами, сообщая всем и каждому – спасайтесь, де Гиссар идет.

Торговые порты собирали ополчение, призывали наемников, и дальнейшее продвижение графа становилось все более тяжелым. Его воины стоили двадцати ополченцев каждый, однако были еще и отравленные колодцы, разбросанные на дорогах шипы, спрятанный фураж и угнанный скот.

В конце концов пропадал сам смысл похода, потому что вместе с беженцами уходила и пожива. И тогда де Гиссар поворачивал назад.

Однако на этот раз все было иначе. Прямо в логово к графу – на полуостров Астадор прибыл человек. Он не говорил, кого представляет, однако намеками дал понять, что приехал от короля Ордоса Рембурга Четвертого.

– Скоро прибрежные владения герцогства Ангулемского будут обнажены, – сообщил лазутчик.

– С чего это вдруг? – не поверил тогда де Гиссар.

– Если создать повод, его светлость пожелает обезопасить герцогство и прикроет всеми имеющимися у него войсками свои северные границы.

Услышав это, де Гиссар понял, к чему клонит лазутчик. В истории отношений герцогов Ангулемских и Рембургов случались конфликты, иногда это приводило к войнам, однако после каждого замирения Ангулемские приносили присягу монарху, не оставляя мыслей о королевском троне.

Много раз Рембурги пытались окончательно обезопасить себя, уничтожив весь род Ангулемских, однако, герцогство было сильно и, даже теряя замки – Ангулем и Ланспас, продолжало рекрутировать солдат и наносить войскам короля чувствительные удары. Поскольку у Рембургов имелись и другие враги, вести долгую войну они были не в состоянии, поэтому еще ни разу Ордосам не удавалось одержать над герцогством окончательную победу.

Сейчас сила и независимость герцога Ангулемского достигла такого уровня, что это начало беспокоить короля.

– Так что за повод использует его величество, чтобы заставить герцога перебросить гарнизоны с побережья на восток? – поинтересовался граф.

– Его величество любит охотиться – это общеизвестно, – произнес лазутчик, загадочно улыбаясь. – На юге королевства, в густых лесах Ласпунии много зверя, однако там пошаливают беглые каторжники, а значит, королю нужна охрана, и немалая...

– Насколько же немалая?

– Он возьмет с собой три кавалерийских корпуса.

– Тридцать тысяч всадников? – понимающе усмехнулся граф.

– Именно так, ваше сиятельство. Уверен, что герцог всерьез воспримет эту угрозу.

– Да уж, это точно. Однако есть одна трудность.

– Какая же?

– Городское ополчение и наемники. Пока я доберусь до Коттона, там уже будут меня ждать.

– Так, может, обойти Коттон и сразу двинуться к замкам в долине? – предложил королевский лазутчик.

– Это невозможно, горожане слишком дорожат свободами, которые предоставил им Ангулемский. Они вцепятся в мой хвост и притащатся за мной в долину. Вояки они никакие, однако если спереди окажется замок Марингер, а позади этот сброд, я буду связан по рукам и ногам.

– Ну что же, думаю, мы сможем помочь вам, граф. Что, если вам выбрать другой маршрут – не берегом, а морем?

– Вы шутите? – Де Гиссар говорил лазутчику «вы», поскольку понимал, что перед ним не последний человек из свиты короля. Окажись здесь бродяга, граф давно бы приказал изжарить его заживо, однако осанка переговорщика и его привычка придерживать отсутствующий, при скромном одеянии, меч заставили главного

разбойника побережья выслушать этого человека.

- У меня будет четыре тысячи всадников, как я переправлю их морем?

- Четыре - мало. Нужно хотя бы пять.

- Хорошо, будет пять, но от этого моя задача станет только сложнее.

- Не станет. Я предлагаю следующий маршрут - во время отлива вы пройдете по отмели к острову Канаи, а там погрузитесь на купеческие ранбоуты, где их найти, вам сообщат наши люди. Думаю, двадцати судов будет достаточно - ранбоуты огромны, хотя и медлительны. Переход от Канаи к побережью займет не более двух суток. Разумеется, суда вам придется захватить, однако не стоит проливать при этом крови больше, чем того требуется.

- Как быть с постом королевских гвардейцев, что стоит на отмели? Мимо них нам никак не пройти.

- Пост вас «не заметит». Им будет отдан соответствующий приказ.

- Что я получу за свои труды? Ведь не думаете же вы, что я пушусь в столь опасное приключение из одной только любви к его величеству.

- Ну, разумеется, ваш труд будет оплачен. Я уполномочен предложить вам пятьдесят тысяч дукатов...

Сказав это, королевский лазутчик позволил себе улыбку, наблюдая, как на лице графа отражаются его внутренние переживания.

- Может быть, восемьдесят тысяч? - сладким голосом прибавил переговорщик.

- Мне не нужно золото. Я добываю его сам - столько, сколько хочу.

- Понимаю. Вам нужно признание его величества? - Да! Я хочу обрести титул.

– Это возможно. Желаете утвердиться графом де Гиссаром? Мы могли бы назвать одну из северных провинций герцогства вашим именем – Гиссар, и она станет вашей вотчиной. Вы построите для себя неприступную крепость – замок Гиссар. По-моему, это звучит.

Граф молчал, и проницательный лазутчик знал почему. Самый опасный разбойник побережья, беспощадный убийца, наводивший ужас на окрестные долины, был приемным сыном одного из дворян, служивших герцогу. До десяти лет он рос в замке своего приемного отца, поскольку тот не имел наследника. Жена этого дворянина исправно рожала ему девочек, однако графский титул и высокую должность наследовал сын.

Так бы и стал приемыш законным наследником, не случись вдруг чудо – у графини родился мальчик. Пока ему не исполнился год, «запасного наследника» еще держали в замке, а когда родной сын графа окреп, приемыш был отправлен подальше – в деревню.

Все это было известно королевскому лазутчику, поэтому, выждав паузу, он сказал:

– Если удача будет сопутствовать вам и замок Бренау падет под вашими ударами, ничто не помешает вам стать графом фон Бренау, кем вы, по сути, и являетесь.

3

Долго уговаривать де Гиссара не пришлось. Он согласился помочь королю.

На отмели, по которой во время отлива войско де Гиссара двигалось к острову Канаи, стражники каменного форта его «не заметили», и длинная колонна беспрепятственно ступила на остров.

Граф не тронул портовые городки Канаи, хотя его солдатам хотелось потешить свои клинки. Высланный вперед отряд уйгунов нашел на указанных причалах двадцать огромных ранбоутов. При захвате судов их команды оказали

сопротивление, и увлекшиеся уйгуны перерезали всех матросов.

Чтобы набрать новые команды, де Гиссар приказал прочесать портовые кабаки. Пока набирали матросов, войско грузилось на ранбоуты, выбрасывая за борт оставшийся товар.

Из состояния задумчивости де Гиссара вывел голос одного из сопровождавших его уйгунов:

– Не хотите перекусить, хозяин? У меня в сумке есть вяленое мясо и немного хлеба... Когда еще настанет утро.

– Спасибо, Райбек, с удовольствием.

Граф повернулся к морю и стал наблюдать за тем, как выходят из воды его войска. Когда они оказались на суше, серый галечный берег почернел от лошадей темной масти и черных солдатских плащей.

Скрипела упряжь, позвякивали оружие и доспехи – воины приходили в себя после купания в студеное Северное море.

Вскоре тысячники повели полки к найденным разведчиками тропам. Подниматься по ним было нелегко, однако поблизости другого пути наверх не было, если не считать выстланного каменными плитами спуска, находившегося в половине дневного перехода к северо-западу. Однако места там были нехорошие, и даже маги опасались появляться на развалинах огрского города. Кто и когда его разрушил, было неизвестно – слишком давно это случилось, но некоторые утверждали, что в древних катакомбах до сих пор отбывали наказание вечные огрские маги.

Граф де Гиссар знал о репутации развалин огрского города, поэтому предпочел высадиться здесь. Пусть он рисковал потерять на крутом берегу десятков всадников, зато остальные будут готовы к работе.

С высоты гранитного утеса слышались шум волн, скрип оставшихся на мели ранбоутов и стук камней, которые осыпались под копытами лошадей. Время от времени какая-то из них срывалась с тропы и, кувыркаясь, неслась под уклон,

увлекая седока, иногда они сбивали кого-то еще, и тогда в ночи разносились ругательства и ржание испуганных лошадей.

Де Гиссар сидел на огненно-рыжем жеребце и смотрел на алеющий восток. Солнце вот-вот должно было появиться.

– Сегодня мы зальем восток кровью! – провозгласил граф и с первым лучом дал шпоры своему огненному коню. Войско, одобрительно гудя, двинулось следом за ним: горбатые преданные уйгуны, зачатые от смешанных пар – гномов, людей и орков, стремительные и бесстрашные в драке, надменные полукровки-эльфы – гельфики с полными колчанами не знавших промаха стрел, заплутавшие на жизненном пути наемники, беглые каторжники и дезертиры.

Та часть войска, что состояла из уроженцев Синих лесов – местности, где стирались законы мира и день с ночью менялись местами, жаждала убийств, людская часть войска жаждала золота. И все находили то, чего хотели.

4

Армия разбойников двигалась на Коттон по главной дороге, называемой Морской. Она была мощена горчичным камнем, который добывали в приморских каменоломнях.

По проселкам, что разбегались от основной дороги, вперед ушли разведывательные группы из уйгунов и гельфигов. В обязанности этих летучих отрядов входило уничтожение всех, кто мог попытаться опередить де Гиссара и предупредить горожан Коттона о надвигающейся беде.

Еще до полудня войско графа окружило небольшой городок из двух сотен жителей. Уйти никому не дали, с собой взяли домашних животных, птицу, муку и другие вмещали седельные сумки, и ей необходимо было сформировать обоз.

Бдительные уйгуны сумели перехватить нескольких беглецов, которые верхом и пешими попытались просочиться между рядами войск, однако были замечены и остались лежать в пыли.

Жечь что-либо де Гиссар запретил. Столбы черного дыма могли предупредить город Коттон об опасности.

Оставив основную часть войска двигаться с обозом, граф захватил три сотни уйгунов и гельфигов и с ними помчался вперед.

Отряд проскочил мимо еще одного городка, оставив его на разграбление основным силам армии, и понесся к сторожевой башне, которая стояла в самой высокой точке дороги, чтобы наблюдатели видели всякого, кто движется к Коттону. Для подачи сигнала тревоги они использовали бочонки с просмоленным хворостом и сухим лишайником. Эта смесь вспыхивала в мгновение ока, стоило лишь насыпать в нее тлевшие в медной лампе угольки.

Заметив всадников, сигнальщики сразу запалили бочонок. Черный дым, скручиваясь штопором, стал подниматься в небо, однако любой сигнал был уже бесполезен – у горожан не было времени послать за подкреплением.

– Убейте их! – крикнул де Гиссар, и несколько гельфигов, привстав в стременах, на скаку выпустили стрелы. Тела сигнальщиков перевалились через перила и полетели вниз, а гельфиги ухитрились всадить в них еще по несколько стрел. Солдаты знали, что графу такие номера нравятся.

Дорога вилась между безжизненными холмами с каменистыми склонами. Еще несколько поворотов, и отряд выскочил в долину – к городу Коттону.

Со всех сторон к крепостным воротам спешили люди – пешие, конные и возчики с груженными телегами. Они яростно нахлестывали мулов, повозки подпрыгивали на ухабах, роняя товар. Люди на бегу оглядывались на всадников, многие падали, но вскакивали и бежали снова, чтобы успеть укрыться за крепостной стеной. Над городом раздавался звон колокола, извещаая население о приближении врага.

Грохоча цепями, поднялся мост, отрезав путь к спасению нескольким десяткам человек. В отчаянии одни из них стали прыгать в ров, надеясь укрыться в зловонной жиже, другие побежали вокруг крепостной стены в надежде получить помощь на другой стороне города.

– Никто не должен уйти! – крикнул де Гиссар, и несколько уйгунов погнались за людьми. – Соберите повозки, лошадей и мулов! Нам нужно думать об обозе!

Солдаты бросились исполнять приказания, а граф снял охотничью шляпу и надел кожаную рихту со стальной подкладкой, тем самым показывая, что начинает осаду.

– Беспokoйте их! Пусть даже и носа бояться высунуть за стену! – приказал де Гиссар гельфигам. Те разбились на две группы и поехали вдоль рва, выкрикивая своими птичьими голосами адресованные защитникам города оскорбления. Горожане стали отвечать, в запале высываясь из бойниц. Следовал точный выстрел, и неосторожный получал стрелу в шею или лицо.

Гельфики смеялись и ехали дальше, делая свою черную работу.

Поджидая основные силы, де Гиссар прикидывал, где разместить лошадей, когда воины спешатся, а где обоз, чтобы до него не долетели стрелы с зажженной паклей.

Готовились к обороне и в городе. То тут, то там вдоль крепостных стен стали подниматься столбы коричневатого дыма – ополченцы начинали варить смолу.

Чтобы лучше видеть, что происходит в Коттоне, де Гиссар поднялся по дороге на возвышенность и стал наблюдать оттуда, прикрываясь рукой от солнца.

Вскоре слышался нарастающий гул – мощная известковым камнем дорога гудела от тысяч лошадиных копыт. Из-за холмов, в тучах пепельной пыли, появилась голова колонны. Войско шло на рысях, то тут, то там мелькали набитые награбленным добром седельные сумки.

Встретив тысячников, де Гиссар приказал им готовить войска к штурму самой высокой – южной стены города. К этому решению он пришел, зная, как выглядят крепостные стены изнутри. Не раз и не два граф появлялся в Коттоне в измененном обличье с шпионскими целями. Однажды его узнали и преследовали, словно гончие псы лисицу. Тогда граф натерпелся страху и едва унес ноги, однако теперь он знал наверняка – южная стена самое слабое место, несмотря на высоту и кажущуюся неприступность.

На ее высоту уповали и строители, не предусмотрев широких ярусов и дополнительных лестниц, как на других, не столь высоких стенах. Но по узким ярусам трудно бегать солдатам, а по узким лестницам нелегко поднимать чаны с кипятком и смолой. В пылу битвы не раз случалось, что чаны роняли и тогда до смерти ошпаривали своих.

Вокруг де Гиссара уже шла лихорадочная подготовительная работа, а он улыбался, продолжая рассматривать беззащитный город. Прежде ему уже приходилось подступать к его стенам, однако тогда ему противостояли не только ополченцы, но и тысячи полторы наемников. В отличие от смелых, но наивных горожан бывалые солдаты были достойными противниками и под прикрытием крепких стен могли держаться сколь угодно долго. В этот раз, из-за внезапности появления де Гиссара с армией, наемников в городе не оказалось.

5

Войско де Гиссара было построено пешим в двухстах ярдах от южной стены. Перед первыми рядами работали команды строителей, которые использовали привезенный из разоренного городка материал для изготовления мостков и штурмовых лестниц, однако все эти приспособления могли и не понадобиться, поскольку у де Гиссара было припасено несколько эффектных трюков.

– Следите за тем, чтобы они не подожгли полотна, – инструктировал де Гиссар собравшихся вокруг него тысячников. – Помните, от этого зависит, насколько легко мы одержим победу.

В первых рядах вперемешку стояли дезертиры, наемники и уйгуны. Людям полагалось тащить тяжелые мостки и лестницы, чтобы перекидывать их через ров и приставлять к стенам, а проворным, словно кошки, уйгунам доставалась вся слава – они стремительно взбирались по лестницам и первыми шли на штурм.

Гельфиги двигались чуть позади – их главной задачей был отстрел всех, кто появлялся на стене, чтобы оказать сопротивление.

В бойницах крепости замелькали люди – это заметили солдаты де Гиссара. Впрочем, графу эта суэта на стене не показалась достойной внимания, в городе не нашлось бы и десятка хороших лучников, способных с такого расстояния нанести войску урон.

– Что-то они задумали, хозяин, – сказал один из тысячников.

В то же мгновение в небо взвилось множество сверкающих на солнце непонятных предметов, которые по дуге полетели прямо на войско де Гиссара.

– Щиты!.. Щиты! – закричали тысячники, однако было поздно. Кто-то не успел поднять щит, другие просто не расслышали команды. Дождь из сверкающих игл обрушился на солдат графа и забарабанил по немногим вовремя поднятым щитам. Обливаясь кровью, роняя щиты и оружие, повалились убитые и раненые, покатались под уклон потерянные шлемы.

Недалеко от де Гиссара упал наемник. Граф подошел к нему и, не обращая внимания на стоны раненого, выдернул из его груди неизвестное доселе оружие. Это был остро отточенный четырехгранный наконечник, чуть тяжелее, чем требовался для стрелы, в его хвостовой части имелось отверстие, назначение которого пока было непонятно.

– Новинка, – произнес де Гиссар, и в этот момент со стороны крепости повторили залп, однако на этот раз войско было готово. Дождь смертоносных наконечников обрушился на поднятые щиты, хотя одному уйгуну все же не повезло, его щит пробило навывлет.

С недолетом в пару десятков ярдов в землю вонзились несколько огромных стрел. Один из тысячников немедленно сбегал за одной такой и принес ее де Гиссару.

Граф внимательно осмотрел трофей. Стрела была исполинской – она достигала пяти футов в длину при толщине в полтора пальца и ко всему прочему имела восемь дополнительных рожков, на которые свободно надевались четырехгранные наконечники. В полете стрела притормаживала оперением, и наконечники продолжали полет самостоятельно.

– Отличное приспособление, – сказал де Гиссар, словно не замечая взвившегося в небо третьего залпа. На этот раз смертельно опасная стая неслась прямо на графа и его штаб. Тысячники подняли широкие щиты, закрыв себя и своего хозяина. Послышался дробный грохот, и де Гиссар своими глазами увидел жало проникшего сквозь щит наконечника.

– Командуйте – вперед! – приказал граф. – Подойдем ближе, тогда они не смогут обстреливать нас, не попадаясь на глаза гельфигам.

Тысячники разбежались по своим полкам, на ходу отдавая команды. Ряды сомкнулись, и армия двинулась к стенам, а следующий залп из крепости пришелся уже на пустое место.

Де Гиссар оглянулся – на пологом склоне осталось около сотни его солдат, некоторые из них еще шевелились, однако сейчас было не до них.

На расстоянии пятидесяти ярдов от кромки рва полки остановились, а гельфики цепью выдвинулись дальше.

– Интересно, хозяин, кому же под силу растягивать луки, которые могут метать такие стрелы? – спросил стоявший неподалеку старший тысячник Анувей.

– Думаю, это кузнецы, в городе большая кузнечная слобода – там и стрелки, там и мастера, отковавшие эти подарочки.

С этими словами де Гиссар размахнулся и забросил наконечник в ров.

– Ну, что там у нас с лестницами? – спросил он, хотя и сам прекрасно видел, что работы мастеровых бригад движутся к завершению.

– Уже скоро мы сможем начать, хозяин, – заверил его Анувей.

В этот момент один из гельфигов точным выстрелом поразил в лицо любопытного ополченца. Тот громко вскрикнул и упал с яруса, было слышно, как его тело загрохотало по ступеням.

В ответ прилетело несколько камней, однако они не причинили осаждавшим вреда —бросали их вслепую, поскольку высовываться никто не решался.

Дымов над городом становилось все больше, а значит, росло количество разогретой смолы.

Одна... две... три... Готовые лестницы быстро ложились на землю, до штурма оставалось совсем немного. Уйгуны в нетерпении повизгивали, а гельфиги внимательно следили за стеной. Опасность представляли узкие, не шире ладони, бойницы, из которых уже пару раз стреляли из арбалетов. Пока что стрелки де Гиссара успевали вовремя «законопачивать» эти позиции точно пущенными стрелами.

6

Прошло совсем немного времени, и тысячники стали докладывать де Гиссару о готовности к штурму.

Граф потянул носом – запах смолы, доносимый ветром из-за крепостных стен, все усиливался. Пришло время применить уловку номер один.

– Эй, вы там – наверху! – крикнул граф и махнул гельфигам рукой, чтобы те опустили луки. – Жители города Коттона!

Кто-то несмело выглянул из-за крепостного зубца и, заметив, что гельфиги стоят с опущенными луками, высунул голову.

– Ну – чего тебе? – спросил он басом.

Судя по толщине шеи и луженому горлу, это был один из кузнецов, что растягивали тугие луки и пускали тяжелые стрелы с множеством каленых жал.

– Я хочу поговорить с вашими военачальниками.

– Зачем?

– Желая обсудить условия сдачи города.

– Нечего тут обсуждать. Мы будем драться – от тебя пощады не дождешься, ты убийца, де Гиссар!

– Да, я де Гиссар, – подтвердил граф и довольно заулыбался. Ему нравилось, когда его боялись. – Однако у меня есть что вам предложить. Зови самого главного командира, я хочу с ним поговорить.

– Сначала отведи своих лучников.

– Хорошо. На пятьдесят шагов будет достаточно? Переговорщик кивнул.

Тысячник Анувей отдал приказ, и гельфики, развернувшись, отошли на обусловленное расстояние.

Это произвело впечатление, и над крепостными стенами появилось еще несколько голов. Они с интересом рассматривали уложенные вдоль рва мостки и заготовленные штурмовые лестницы.

Вскоре любопытные стали прятаться, потому что на деревянных ярусах, звеня шпорами, появился командующий обороной. Его голова в старинном массивном шлеме показалась над стеной.

Де Гиссар оценил и шлем, и помятые наплечники с кирасой. Должно быть, этот горожанин в свое время послужил в армии герцога и теперь был избран на должность городского полковника.

– Я полковник города Рамштайн! Зачем ты меня звал?

– Приветствую вас, полковник. Я хотел бы говорить с вами и вашим заместителем одновременно. – Это еще зачем?

– На тот случай, если вам нужно будет посоветоваться, то, что я скажу, – очень важно.

– Ну, хорошо, – после недолгого раздумья согласился полковник. – Мартинес, – позвал он, и рядом с ним встал молодой человек лет двадцати, с тонкой шеей, торчавшей из слишком большой для него кирасы.

– Это лейтенант Мартинес, он мой заместитель, – важно произнес полковник. Лейтенант кивнул, и огромный шлем съехал ему на глаза. Де Гиссар едва удержался от улыбки.

– Очень приятно, господа. Суть моих предложений состоит в следующем – я предлагаю вам сдаться или умереть.

– Мы не сдадимся! – воскликнул лейтенант тонким голоском.

– Тогда умрите! – сказал де Гиссар. В воздухе запели быстрые стрелы, и оба городских военачальника были поражены прямо в лицо.

За стеной началась суматоха, слышались проклятия по адресу де Гиссара, однако он лишь громко хохотал, довольный тем, как ловко справился с этими недотепами.

– Шатры! – крикнул граф, и воины, подхватив огромные полотнища, потащили их к стенам. Затем, под прикрытием гельфигов, группы по сорок солдат взялись за края и растянули полотна, отчего они зазвенели, как барабаны.

Всего шатров набралось два десятка, и на каждый из них взобрался один гельфиг.

Под громкие подбадривающие крики стрелки стали раскачиваться, а державшие полотно солдаты подбрасывать их все выше. Вылетая на уровень крепостной стены, гельфиги начали на выбор уничтожать скрывавшихся на ярусах защитников города. Те пытались отстреливаться, однако соперничать с эльфами-полукровками никто не мог.

На ярусах началась паника, черные стрелы вонзались в самых сильных, а также в тех, кто тащил емкости со смолой и кипятком. Опрокидывались чаны, и на нижние ярусы обрушивалась кипящая смола, в которой заживо сварились десятки людей. Их жуткие крики разносились на весь город, пугая даже

стоявших на безопасном расстоянии лошадей армии де Гиссара.

7

Как только колчан летающего гельфига оказывался пуст, стрелок сходил с шатра, а ему на смену приходил другой, и все повторялось сначала. После нескольких таких замен на верхнем ярусе ив проулках, которые вели к южной стене, никого не осталось – только утыканные стрелами тела. Теперь ничто не мешало начать штурм.

Де Гиссар небрежно махнул перчаткой, давая понять, что можно начинать.

И снова в ход пошли шатры. Гельфигов сменили уйгуны, которых словно раскаленные ядра стали перебрасывать через стены. Визжа и размахивая кривыми мечами, они уносились в город и вступали в бой с теми, кто еще оставался под стенами. Кому-то из уйгунов не везло, и он попадал в чан с кипевшей смолой. Де Гиссар слышал эти ужасные крики и, морщась, прикрывал уши руками.

Еще одного уйгуна подстрелили из арбалета прямо в полете. Тяжелый болт прошиб его насквозь, отбросив назад, и бедняга рухнул в жидкую грязь крепостного рва.

– Отличный выстрел, – прокомментировал граф. – Пошли вперед!

На приступ пошли солдаты тысячника Мюрата, а остальная часть армии двинулась к южным воротам – они вот-вот должны были открыться.

К графу и его штабу подбежали конюхи, таща на поводу лошадей, город должен был скоро пасть, и победителю следовало показаться на его улицах верхом.

Перерезав стражников, уйгуны опустили мост. Тысяча за тысячей по нему прошли солдаты графа, а затем в город вступил сам де Гиссар.

Повсюду на улицах была кровь и лежали трупы. Те немногие защитники, что уцелели, побросали на мостовую оружие и стояли, низко опустив головы. Уйгуны с горящими глазами рыскали по улицам, ища повод прирезать очередную жертву. До особого распоряжения хозяина им запрещалось убивать всех подряд, они подвывали от нетерпения, скалясь на перепуганных женщин и подавленных мужчин.

В окружении своего штаба граф выехал на центральную площадь города, на которой его непременно бы повесили, не ускользнул он в тот раз, когда неожиданно был опознан прямо на улице.

По уже сложившемуся обычаю в каждом захваченном городе де Гиссар любил сказать при народе несколько слов, поэтому ему обеспечивали благодарную аудиторию. В этот раз согнали около трехсот собранных на улицах горожан. Среди них оказался бургомистр со своими клерками, они мяли в руках синие лапсиновые шляпы, смотрели на победителя снизу вверх и подобострастно ему улыбались.

Потом бургомистр протиснулся ближе к графу и, достав из-под одежд огромный, позеленевший от времени ключ, подал его на вытянутых руках со словами:

– Смирненно сдаемся на милость, вашего сиятельства и передаем этот ключ как символ преданности и покорности.

– Очень рад, что дождался от вас этой чести, – в тон бургомистру ответил де Гиссар и, приняв ключ, бросил его в седельную сумку. – Однако я ждал этого ключа там, – граф махнул рукой в сторону ворот, – перед стеной, а теперь я взял город, и в этом нет заслуги его жителей. И твоей тоже, жалкий чинуша.

– Я... Мы... ваше сиятельство, мы не могли поступить иначе, герцог приказал никого не пускать...

– Ну конечно, герцог. Он делает вам поблажки, налоги просто смешные – вон как расцвели! – Граф огляделся. Дома, выходявшие фасадами на площадь, были сплошь каменные, побеленные горным мелом, с крепкими крышами и деревянными крашеными ставнями. Улицы города сверкали чистотой, если не считать свежую кровь, а сточные каналы не воняли, как в каком-нибудь Ливене.

– Значит, так, жители Коттона! Поскольку мы захватили ваш город силой, сломив сопротивление, мы имеем полное право забрать ваше добро, сжечь ваши дома, а вас убить!

По рядам стоявших на площади прокатился ропот.

– Однако что бы обо мне ни говорили, я человек справедливый. Город разделен на три района – Собачью Канаву, Коровий Рынок и Кузнечную Слободу. Сейчас я прямо при вас с помощью дуката королевской чеканки выберу район города, с которым поступлю по правилам войны.

– Ты! – Де Гиссар указал на бургомистра. – Будешь помогать мне... Итак, решается судьба Собачьей Канавы! Если выпадет профиль нашего доброго короля Ордоса Четвертого, район выходит из игры...

С этими словами граф достал золотой дукат, подбросил его и, ловко поймав, продемонстрировал открытую ладонь бургомистру.

– Ну – говори! Онемел, что ли?!

– Вы... выходит из игры... – промямлил бургомистр.

– Отлично, выходит, жителям этого района повезло. Теперь – Коровий Рынок...

Золотой снова взвился в воздух и исчез в перчатке де Гиссара.

– Ну, говори! – приказал он бургомистру, разжимая ладонь.

– Профиль короля... Коровий Рынок вышел из игры! – уже смелее произнес бургомистр.

– Теперь – Кузнечная Слобода! – объявил граф и подбросил дукат.

– Дубовые листья... – произнес бургомистр, когда де Гиссар предъявил ему очередной жребий.

– Да не листья, дубовая ты голова, а «орел». Значит, так тому и быть – за все заплатит Кузнечная Слобода! Мюрат, пусть твои солдаты окружают этот район, и чтобы ни одна мышь не проскользнула – помни, слобода виновна в том, что под стрелами полегла сотня наших товарищей. Анувей! А твои уйгуны пусть расчистят площадь – думаю, они это заслужили.

Услышав слова хозяина, уйгуны обнажили кривые мечи и бросились на безоружных горожан. Началась кровавая резня, а де Гиссар, словно не замечая творящегося на площади и не слыша криков, с интересом рассматривал богатые дома. Он с удовольствием отдал бы на растерзание весь город, однако тогда ему нечего будет грабить через год-другой.

8

Над Кузнечной Слободой поднимались клубы черного дыма – армия де Гиссара сеяла там смерть и разрушение. Жители двух других районов сидели по домам и тряслись от страха, когда их соседей приходили грабить. Если золото отдавали добровольно, можно было отделаться только синяками, несговорчивых – убивали.

На залитой кровью площади де Гиссар приказал поставить шатер. В нем он намеревался прожить день-другой, чтобы отдохнуть и вдоволь поиздеваться над городом, прежде чем отправиться дальше – графа ждали великие дела.

Плотно пообедав, он наблюдал за пожарами в Кузнечной Слободе и вершил суд над теми, кого приволакивали к нему для потехи солдаты, – перепуганного подмастерья, начальника городской стражи или продажную девку. Впрочем, независимо от расследования, приговор был одинаков – смерть. Телохранитель графа уйгун Райбек приводил его в исполнение с особым рвением.

Одним из пленников оказался худой седобородый старец с крючковатым носом и горящими гневом орлиными глазами.

– Кого вы мне притащили? – спросил де Гиссар двух дюжих дезертиров.

– Хозяин, нам сказали, что это маг.

– Маг? Маги запрещены повсюду в королевстве, кроме столицы. Кто вам сказал, что он маг?

– Булочник, хозяин. Только и успел сообщить, что в доме напротив живет маг, а потом мы его в печи вместе с булочками и зажарили!

– Молодцы. – Граф милостиво улыбнулся. Дезертиров он не любил, но они составляли постоянный, подпитывавший его армию поток. – Итак, как твое имя, старик?

– Сомбилар! – звонко произнес старец.

– Ты, говорят, – маг?

– Врут.

– Врут? Перед смертью редко кто врет, даже булочники...

Шутке хозяина посмеялись все, кто был рядом.

– Впрочем, проверить, маг ты или нет, очень просто. Тебя бросят в огонь, а маги огненной стихии не боятся.

– Глупости! – воскликнул старик. – Огненной стихии боятся все! Она не всегда убивает, но всегда меняет мага!

– Ага, что-то уже вырисовывается. Де Гиесар вытянул ноги в начищенных ботфортах, кресло под ним скрипнуло.

– Одного я не могу понять: если ты маг – почему дал скрутить себя этим двум молодцам?

– Я не обязан отвечать тебе! – воскликнул старик и стал демонстративно смотреть в сторону. Для любого другого такие вольности закончились бы

кривым мечом уйгуна Райбека, однако де Гиесар не спешил. Поведение старика его забавляло.

- Да, видимо, придется тебя убить, как обычного человека.

- А я и есть обычный, только некоторые слова особые знаю, - не сдержавшись, похвалился старик.

- Например?

- А вот прикажи меня убить, а я прокляну тебя на смертном рубеже, и тогда посмотрим, сколько ты после этого проживешь... - Старик победоносно сверкнул глазами и захихикал.

Де Гиесар, побледнев, приподнялся в кресле. С одной стороны, он уже был сыт бреднями этого старика, но с другой - граф знал о проклятии на смертном рубеже - от такого не спасут ни щит, ни целая армия.

- Ты убедил меня, старик, - произнес де Гиесар, опускаясь в кресло. - И ты свободен. Можешь вернуться в свой дом, если, конечно, его не сожгли, или покинуть город.

- Меня здесь ничто не держит - я уйду, - сказал старец и, повернувшись, пошел в сторону одной из улиц, что вела к городским воротам.

Райбек посмотрел на хозяина, потом на стоявшего неподалеку старшину гельфигов Марбона - тот держал лук наготове, ожидая, что хозяин передумает. Он еще мог достать старика - тот шел не слишком быстро, однако де Гиесар как будто уже забыл о нем.

Неожиданно слышались топот и крики. Из проулка, который вел к Кузнечной Слободе, выскочило человек пять дезертиров, волочивших на веревке маленького бородатого человечка, едва достававшего им до пояса.

«Гном», - догадался граф.

Едва выйдя на площадь, дезертиры стали вопить:

- Беда, хозяин! Беда!

- Большая беда, хозяин!

- Говорите толком! И по одному! - брезгливо скривившись, потребовал граф.

- Тысячник Анувей убит!

- Как убит?! - Де Гиссар вскочил с кресла, сбросив на мостовую охотничью шляпу. - Как убит? Где?

- Да в слободе, хозяин! - заголосил рыжий дезертир, державший в руках какой-то окровавленный мешок. - Кто его убил?

- Гном!

- Гно-о-ом?! - протянул пораженный де Гиссар и уставился на маленького человечка.

- Не этот, хозяин, другой гном!

- Да, хозяин! - встрял второй дезертир. - Другой, из серебряной лавки! Сначала зарубил двух уйгунов, потом двух наших парней и последним - тысячника Анувея! Он хотел задержать гнома, когда тот попытался ускакать.

- Гномы боятся лошадей! Это каждому известно! - возразил граф.

- Так он на муле ускакал.

- На муле?! - переспросил де Гиссар и истерически расхохотался. - Это новость для меня, чтобы такой жалкий человечек, - граф кивнул на пленника, - так хорошо владел мечом.

- У него был топор, хозяин, - подсказал рыжий. - Такой огромный.

– Да и гном тот был не слабак, – дополнил другой дезертир. – У него плечи пошире моих будут. Он прыгнул на мула и поскакал, а тысячник Анувей выскочил ему навстречу и вмиг лишился головы. Гном ускакал к северным воротам и был таков. Он-то – верхом, а наши лошади на холмах остались...

– Все, хватит! – резко оборвал его граф. – Этого зачем притащили?

– Он знает, кто таков этот страшный гном.

– Знаешь? Действительно знаешь? – нависая над пленником, строго спросил граф.

Избитый гном кивнул, не ожидая для себя ничего хорошего.

– Как его имя?

– Фундинул, ваше сиятельство.

– Фундинул? Кто же научил его обращаться с топором? Что-то мне не приходилось слышать, чтобы гномы преуспевали в военном искусстве. Кузнецы, мастера по серебру – это да, но, чтобы срубить голову Анувею, быть кузнецом мало.

– Я ее принес, – неожиданно сказал рыжий.

– Что? – Слова дезертира сбили де Гиссара с мысли.

– Я принес его голову. Вот. – Рыжий показал окровавленный мешок.

– Молодец, оставь ее здесь, позже мы окажем голове Анувея надлежащие почести, а теперь возвращайтесь обратно.

– А что нам с этим делать? – спросил дезертир, указывая на избитого гнома, который уже приготовился к удару меча. Де Гиссар понял это и переменял решение – ему нравилось шокировать.

– Возьмите его с собой, пусть помогает вам отыскивать преступников, ведь ты всех здесь знаешь, гном?

– Почти всех, ваше сиятельство.

– Ну и славно. Снимите с него веревку, он не убежит.

– Спасибо, ваше сиятельство! Спасибо! – заливаясь слезами радости, лепетал гном, пока дезертиры уводили его с площади.

Де Гиссар поднял шляпу, сел в кресло и, закинув ногу на ногу, задумчиво уставился на мешок с головой Анувея. Еще недавно тысячник вел своих солдат на приступ, был тверд как кремень и вот – пал под топором какого-то гнома. Просто позор.

Дыма над Кузнечной Слободой становилось все больше, при неблагоприятном ветре он дотягивался даже до площади, и некоторые из слуг де Гиссара покашливали.

С уцелевших районов города продолжали собирать откуп – все, что в домах находилось ценного, забирали команды из дезертиров и уйгунов. Сносимых на площадь мешков с тканями, серебряной посудой и золотыми статуэтками становилось все больше, впрочем, это была привычная процедура, с той лишь разницей, что такого большого города де Гиссар никогда еще не захватывал. Раньше Коттон, помимо наемников, прикрывали гвардейцы герцога. Их гарнизон был расквартирован в половине дня пути на восток, в небольшой крепости Оллим.

Графство Оллим было совсем крохотным, и его владетель служил у герцога придворным библиотекарем. Служба давала ему немного, и основной, доход граф Оллим получал от содержания восьмисот гвардейцев, которым он поставлял пропитание и девок из единственной, но многолюдной деревни Оллима.

Де Гиссар скучал в своем кресле не долго. На площади появилась еще одна живописная группа в составе трех дезертиров, двух уйгунов и здорового орка с глупой рожей. Его макушку прикрывал нелепый шлем с многочисленными вмятинами-рубцами, а из одежды на нем были лишь солдатские ботинки, штаны из грубого полотна и кожаная жилетка с дырками от клепок – как видно, прежде на ней были доспехи.

«Доспехи – пропил», – подумал граф, продолжая рассматривать очередного пленника и отмечая, что он выглядит не таким измученным, как бывший здесь гном. Впрочем, истязать такого опасно, орк был на полголовы выше самого высокого наемника, а остатки его одежды говорили о том, что это бывалый солдат.

– Это еще кто такой? Где вы взяли этого оборванца? – с деланной строгостью в голосе спросил де Гиссар.

– Так из тюрьмы же, хозяин, – развел руками один из наемников, имя которого граф помнил, но сейчас забыл.

– Из тюрьмы? – переспросил де Гиссар и широко улыбнулся. – Что же он там делал? – Граф посмотрел на орка, адресуя этот вопрос ему, однако пленник смотрел куда-то в сторону. Казалось, его совершенно не интересовал происходивший тут разговор.

– Отвечай, ты! – крикнул один из наемников и не особенно сильно ткнул орка в спину.

– Я задолжал в кабаке, ваша милость, – нехотя ответил тот. – Платить было нечем.

– Не смей говорить его сиятельству «ваша милость»! Говори «ваше сиятельство»! – прорычал стоявший неподалеку сгорбленный уйгун Райбек, похожий на злую крысу. Он злился оттого, что орк не выказывал, страха, да и выглядел весьма внушительно, особенно по сравнению с уйгунами.

На реплику Райбека орк не обратил никакого внимания, его спокойствие начинало забавлять графа, который представлял, как вытянется лицо этого великана, когда его поставят перед смертельным выбором.

– Как тебя зовут, орк?

– Углук, ваша милость.

– Как же так получилось, что тебе нечем было заплатить? Неужели ты имеешь привычку ходить в кабаки без единого гроша?

– Что вы, ваша милость! У меня с собой триста золотых дукатов было, и затеялся я в кости играть с двумя жуликами с Собачей Канавы, а они, видать, какой-то отравы в вино подмешали. Когда очнулся – денег уже нет, а рядом кабатчик стоит и уплаты требует, и стража при нем.

Орк тяжело вздохнул.

– Откуда же столько денег? Триста дукатов большая сумма. Ты кого-нибудь ограбил?

– Что вы, ваша милость, я правильный солдат, и золото было заслужено честным трудом.

– Честным трудом! – воскликнул де Гиссар и засмеялся. Его смех подхватили уйгуны и даже старшина гельфигов. – Ты веселый парень, Углук. Где же та армия, где честным солдатам платят такие деньги? Честное слово, я записался бы в нее рядовым!

– Так это же не в армии, ваша милость, просто год назад была одна работа.

– А-а, значит, ты удачливый воин?

– По-разному бывает, ваша милость. Когда – сыт и пьян, а когда – вот... – Орк развел руками.

– Ты мне нравишься, парень, у меня еще никогда не служили орки. Пойдешь ко мне?

– Я не могу, ваша милость.

- Почему? Думаешь, платим, мало?

- Нет, я не об этом. Не по правилам вы воюете.

- Да какие же на войне правила, орк? Как можем, так и воюем. У нас все так делают.

- Ну, может, у вас все так делают, да только орки с женщинами не воют, а чтобы мешки барахлом набивать... - Угрук кивнул в сторону все увеличивавшейся кучи с награбленным добром.

Де Гиссару такие слова не понравились. Он и за меньшее приказывал живьем в землю зарывать.

- Понятно. А где твое оружие, честный солдат? Пропил или проиграл в кости?

Стоявшие рядом уйгуны хрипло засмеялись, словно зачирикали простуженные воробы.

- Нет, ваша милость, оружие было при мне, но его судебные крючоктворы забрали.

- Вот его оружие, хозяин, - сказал наемник, состоявший в конвое орка, и показал огромный двуручный меч с позеленевшим клинком.

- Ну-ка дай. - Де Гиссар взвесил на руке тяжелое оружие. - Что же ты его не чистишь, честный солдат? Это же твой кусок хлеба - ты ведь, наверное, ничего делать не умеешь, кроме как воевать. Тупее твоего меча во всем герцогстве не сыщешь, да что там в герцогстве - в королевстве не найдешь второго такого.

- По мне и так сгодится, а как работа подвернется - я его наточу.

- А где же ножны?

- Ножны я проел, ваша милость, на кашу сменял в лихую годину.

– Так ты, значит, еще и обжора?

– Я не обжора, ваша милость, просто я большой, – ответил орк с некоторой долей обиды.

– Небось и сейчас жрать хочешь? – усмехнулся де Гиссар.

– Хочу, – признался орк. – В тюрьме-то не особенно потчевали.

– Зато я своих гостей потчую так, что больше не просят, – произнес де Гиссар со злой улыбкой и оперся руками на меч орка. – Предлагаю тебе сыграть в небольшую игру.

– Какую?

– Да ничего особенного – жизнь свою отыгрывать будешь.

– Это как же?

– Просто, – пожал плечами де Гиссар. – Выступишь один против двух моих солдат... или нет – против трех, ты ведь вон какой здоровый, да и меч у тебя устрашающий.

Последнее замечание де Гиссара снова вызвало смех его приближенных.

Орк вздохнул, переминаясь с ноги на ногу и поглядывая то в одну сторону, то в другую.

– Не хочешь? Ну ладно, я могу заменить тебе бой против троих на пробежку в сорок шагов вон до того угла. – Де Гиссар махнул рукой в сторону ближайшего проулка. – Да, забыл предупредить, что в тебя при этом попытается попасть Марбон, старшина моих гелфигов. Скажу честно, стреляет он лучше эльфов, поэтому я бы на твоём месте согласился на бой.

– Так уж и лучше эльфов, – неожиданно усмехнулся орк и покачал головой. – Видел я, какие они лучшие, когда его милость господин Фрай и эльф Аркуэнон настреляли этих полукровок словно ворон на помойке.

Услышав слово «полукровки», старшина Марбон зашипел, точно змея, и его лисье ухо задергалось.

- Ты лжешь, зеленое чудовище!

- А что за «его милость господин Фрай»? - тут же спросил де Гиссар.

Орк вздохнул: опять он увлекся и сболтнул лишнее. С ним такое случалось.

- Ну... в прошлом году господин Фрай давал мне работу.

- Это где же?

- В городе Ливене.

- А что, в Ливене полно эльфов?

- Нет, не полно, - не замечая иронии, ответил орк. - Просто один на крыше приبلудился.

- Втроем, что ли, работу делали? Мало верится. - Граф заметил особенность орка: тот на все вопросы отвечал честно, не таясь, и старался разговорить его, чтобы выведать побольше - перед походом в глубь герцогства многое могло пригодиться.

- А мы не втроем. Гном еще был.

- Гно-о-ом? - протянул де Гиссар и покосился на лежавший неподалеку мешок с головой тысячника Анувея. - И как звали этого гнома?

- Да обыкновенно, у них, у гномов, все просто, как у собак. Фундинулом его звали...

- Фун-ди-нул! Фун-ди-нул! - громко прокричал де Гиссар и хлопнул себя по колену. - Ну и друзья у тебя, орк. Неудивительно, что ты в тюрьме оказался.

Орк во все глаза смотрел на графа, не совсем понимая, о чем тот говорит.

– А скажи мне, добрый и честный солдат, нет ли у Фундинула вредной привычки носить с собой топор?

– О, ваша милость! – обрадовался орк. – Есть у него такая привычка. Он с топором этим никогда не расстаётся и даже ножны для него сшил, однако надо признать – топор очень хорош. Сам блестящий, как зеркало, а рукоятка – из черного дерева.

– И куда же ты ходил с командой?

– К Южному морю, ваша милость, – со вздохом ответил орк, подозревая, что опять говорит лишнее.

– А чего же ты там делал?

– Да чего я мог делать? – Орк пожал плечами. – Мечом махал – известное дело, а его милость дела для герцога обделывал.

– Там, значит, ты и заработал свои три сотни?

– Ха! Берите выше, ваша милость! Тысячу дукатов!

– Тысячу? Ну ты хват! – покачал головой де Гиссар и засмеялся от удовольствия. Он и не предполагал, что сумеет выкачать столько интересной информации из какого-то тупого орка.

– А где же остальные денежки? Уже пропил?

– Почему пропил? – обиделся орк. – Двести золотых брату отдал, Кулдаю, чтобы он дом новый построил, а пять сотен до сих пор в банке лежат, в Ливене.

– В Ливене у тебя пятьсот дукатов в банке, а в Коттоне ты в долговой яме сидишь. Ну разве не обидно?

- Обидно, - вздохнул орк. Казалось, он не понимает всех насмешек де Гиссара.

- Кто еще был в вашей команде? Ведь не могли же вы вчетвером такие деньжищи заработать? Расскажи о его милости господине Фрае - ты вроде говорил, он недурно стреляет?

- О, да, его милость стреляет не хуже эльфа. Видели бы вы, как он в халифате по катящимся яблокам стрелял. Р-раз! И только дырка в яблоке остается.

Старшина гельфигов снова зашипел и отвернулся.

- Фрай в Ливене живет? - быстро спросил де Гиссар.

- В Ливене. Женился, ребеночек у него родился.

- Наверное, герцог неплохо ему платит?

- Да уж, думаю, неплохо, - согласился орк. - Только ведь есть за что - второго такого бойца не сыщешь. Его милость не только стреляет, но и мечом может один десятерых подколоть.

- Так уже и десятерых? - с сомнением спросил де Гиссар, подначивая орка.

- Десятерых не видел - врать не буду, но с тремя рыцарями дрался.

- Да врет он, хозяин, - ядовито заметил уйгун Рай-бек. - Орки с гномами не уживаются, и эти на другой день бы передрались.

- Ты слышал, что говорят? - спросил граф.

- Было такое, ваша милость, - легко согласился орк. В этот момент из проулка появилась еще одна группа с очередным пленником.

- Я занят! - сразу предупредил де Гиссар. - Кого вы привели?

- Он звезды знает, хозяин!

- Звезды? Маг, что ли?

- Нет, в школе детишкам рассказывает...

- Очень хорошо. Вы его на кол посадите, чтобы детям головы не забивал. Или лучше нет - закопайте живьем в землю, так будет лучше. Да, так будет лучше.

Завизжавшего пленника потащили прочь, а де Гиссар повернулся к Углуку:

- Так на чем мы остановились? Ах да - вы поссорились с гномом.

- Ну, было дело, ссорились мы с Фундинулом, но я - то поумнее буду. Мне его милость господин Фрай так и сказал - если ты умнее, Угрук, не обращай на гнома внимания. Я и не обращал, чего на дурака обращать-то?

- А что за странный скакун у Фундинула?

- А-а! - обрадовался орк. - Вы и про это слышали, ваша милость? История такая - то, что гномы лошадей боятся, всякому известно, а его милость господин Фрай, чтобы в поход пойти, придумал, как Фундинула обмануть, и привел мула, сказав, что мул это не лошадь. И еще нам подмигнул, чтобы подтвердили. Так и стал наш гном - верховым.

- Тяжело, наверное, было на юг идти, ведь места там сплошь заколдованные, - сказал де Гиссар, внимательно следя за реакцией орка.

- Понятное дело - тяжело, но с нами был маг, мессир Маноло. Ну не то чтобы настоящий маг, однако колдун изрядный. Без него мы бы пропали, потому как и чудного и страшного попадалось много. Несколько раз я пугался прямо до жути.

- Значит, впятером справились?

- Нет, больше было. Шесть.

- А кто же шестой?

– Его милость граф фон Марингер. Самый младший из них, Бертран.

– Так он что же, в наемники пошел?! – Тут граф по-настоящему удивился.

– Стало быть, пошел, – развел руками орк.

– А я тут к ним в гости собираюсь, в замок Марингер. Значит, могу сказать, мол, видели вашего сына – жив-здоров, мечом на хлеб зарабатывает... Ну так что насчет игры, Углук? Какую выбираешь?

– Ну... Пожалуй, один против троих, это мне привычнее и куда приятнее, чем от полукровок бегать.

– Держи свой меч, – сказал де Гиссар, протягивая орку его оружие, стоявший рядом с графом уйгун Райбек страховал хозяина, держа наготове кривой тесак.

Орк взвесил в руке привычное оружие, затем шагнул к старшине гельфигов:

– А вот на эльфа ты не похож и стреляешь, наверное, не в пример хуже. Верно говорю?

И Углук протянул руку, словно собираясь дотронуться до лица гельфига. Тот отшатнулся, но орк схватил его за шею левой рукой и резким движением свернул ее, а затем отшвырнул тело под ноги оторопевшим уйгунам. Стоявшие возле шатра двое гельфигов схватились за луки, но Углук подсек мечом одну из растяжек шатра и тот накрыл обоих стрелков, заставив их яростно шипеть и ругаться.

– Да стреляйте же! Рубите кто-нибудь! – закричал де Гиссар, не вполне понимая, что происходит. А орк подскочил к коновязи, сшиб кулаком конюха, а затем мечом плашмя ударил графского коня по суставу. Тот обиженно заржал и, встав на дыбы, выворотил перекладину коновязи. Углук подхватил одного из освободившихся жеребцов мардиганской породы, запрыгнул в седло и хлопнул его по крупу.

– Да рубите же, мерзавцы! Стреляйте! – продолжал кричать де Гиссар, для которого действия орка были полной неожиданностью.

Наконец из-под шатра выбрались гельфики. Они почти одновременно выстрелили, но всадник скрылся за углом, и стрелы сломались, ударившись в камень.

- Догоните его! —приказал де Гиссар, однако несколько уйгунов, опережая пожелание хозяина, уже понеслись за орком. Впрочем, граф не слишком верил в их удачу, в лучшем случае они его потеряют, в худшем не вернуться совсем.

- Ладно, - махнул рукой граф. - Тысячники, войскам - отдых. Завтра выступаем дальше, не время сейчас расслаживаться.

Поначалу граф намеревался пробыть в захваченном городе пару дней, но теперь решил, что это лишнее.

10

По своему обычаю де Гиссар еще с ночи послал на восток разведывательный отряд из полусотни безотказных уйгунов. В темноте они видели лучше, чем днем, и готовы были обходиться без сна, лишь бы услужить хозяину.

Перейдя границы графства Оллим, они рассредоточились вдоль дорог, чтобы собрать нужные сведения.

Основные силы армии де Гиссара под его личным руководством выступили из города с первыми лучами солнца. Колонна, словно жирная змея, долго выползала из южных ворот города, следом за конными тянулся обоз, необычайно удлинившийся за последние два дня.

А над Кузнечной Слободой все еще поднимался дым - там догорали склады с пенькой и пряжей.

Дорога перед войском выглядела обезлюдившей. Как ни старался де Гиссар удержать в тайне свои передвижения, слухи о его приближении сами поползли вдоль дорог, авангарду войска не удалось поймать ни одного беженца - все попрятались.

Дома в селениях у дороги встречали захватчиков тишиной. Хозяева забирали не только личные вещи, но даже вывозили мебель – следы от ломовых подвод вели в сторону непроходимых лесов и безжизненных холмов.

Некоторые из беженцев ухитрились выставить оконные рамы вместе со стеклом, и это неприятно удивило де Гиссара. Поначалу он хотел приказать, чтобы брошенные дома сжигали, однако позже передумал, решив, что лишний раз обозначать свое присутствие не стоит, славы и страха и так хватало. Хватало и награбленного – медлительный обоз, запряженный крестьянскими лошадьми, отставал от скорого шага строевых мардиганцев, на которых сидело большинство его солдат. Лишь уйгуны предпочитали своих собственных лошадок, привезенных из Синих лесов, таких же злых, как и они сами.

Де Гиссар приказал не ждать обоз, и армия пошла быстрее. Остановки были кратковременными – напоить лошадей, поправить сползшее седло и снова в путь. Хлеб ели на ходу.

Если приходилось преодолевать реки вброд, каждую группу из пары сотен солдат и лошадей окружала цепь из уйгунов. Только они умели договариваться с озерным народом – существами из воды и ила, которые запросто могли утащить под воду всадника вместе с лошадью.

Несмотря на то что здешние места назывались долиной, временами, выйдя из болотистых низин, армия вступала в районы, похожие на Проклятые земли. Приходилось идти по старым каменистым дорогам, на которых еще виднелись следы колес и лошадиных копыт, сохранившиеся на окаменевшей земле с незапамятных времен.

Ходили слухи, будто в этих местах появлялись призраки огров, схороненных в долине заживо много лет назад, однако сам де Гиссар в это не очень-то верил. Орков, гномов, эльфов он видел собственными глазами, а вот огры... Было бы неплохо заполучить парочку таких воинов в свою армию. Тогда бы де Гиссар решился в одиночку завоевать герцогство. Да что там герцогство – он бы смог занять королевский трон!

Солнце едва перевалило полуденную отметку, когда армия де Гиссара вступила на земли графа Оллима, придворного библиотекаря герцога, а еще через милю пути навстречу войску вышли разведчики-уйгуны.

Колонна остановилась.

– Ну, что вы мне скажете? – спросил де Гиссар.

– Все спокойно, хозяин. Гвардейцев нигде нет, других вооруженных отрядов – тоже. Большая Деревня, та, что принадлежит графу Оллиму, пуста – все ушли еще вчера днем.

– Укрылись в замке?

– Вряд ли, хозяин, следы ведут на север в сторону леса. – Уйгун махнул рукой, указывая направление.

– А что в замке?

– Ничего особенного, хозяин. Слуга из замка, которого мы поймали прямо возле ворот, сказал нам, что охраняют замок сорок рыцарей – вассалов графа Оллина, а на самом деле это его приказчики, которым он раздал гвардейские мундиры и доспехи. Никто из них отродясь не держал в руках ни меча, ни арбалета.

– Семья у графа большая?

– Трое отпрысков, жена и еще какие-то сестры вчера были отправлены в замок Марингер, под прикрытия дружины графов фон Марингеров, а оттуда собирались в Ливен.

– Ну что же, до Марингера мы тоже доберемся, – произнес де Гиссар. – Приказываю двигаться на Оллим.

В отсутствие гарнизона гвардейцев этот замок не представлял никакой стратегической важности, однако в нем можно было разжиться провиантом и фуражом, ведь армия де Гиссара насчитывала почти пять тысяч всадников, которых нужно было кормить.

Ничуть не скрываясь, войско графа двигалась прямо к замку, представлявшему собой скорее большую башню, чем крепость. И хотя высота крепостных стен достигала двадцати пяти футов, никаких защитных сооружений вроде вала или рва здесь не было, сказала привычка уповать на гарнизон гвардейцев, квартировавший в замке не один год.

Де Гиссар даже не счел нужным сменить охотничью шляпу на рихту со стальной подкладкой, таким неприспособленным к обороне показался ему этот замок. Расстояния между зубцами крепостной стены были слишком большими, и это предоставляло хорошей команде стрелков неограниченные возможности.

Однако сопротивляться такой большой армии никто не собирался. Не успел де Гиссар расставить полки, как ворота замка распахнулись и оттуда вышли граф Оллим и его сорок разъевшихся за счет герцогской казны приказчиков. Они маршировали, потешно выбрасывая ноги, и поскольку были непривычны к тяжести гвардейских доспехов. Мечи у них висели не с той стороны, щиты болтались, и де Гиссар едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– Приветствую вас, дорогой брат! – неожиданно обратился к де Гиссару граф Оллим. – Добро пожаловать в замок! Пусть мой дом станет и вашим домом!

– Вот это он правильно сказал, – согласился де Гиссар, обращаясь к своим тысячникам. – Был его дом – стал наш. Мюрат, назначаю тебя временным комендантом замка. Собери ключи от всех амбаров и выясни, какие имеются запасы – больше всего меня интересует продовольствие и фураж.

– Этого у нас сколько угодно! – проблеял граф Оллим.

– Слышал? Он говорит, у них все есть. Как только выяснишь про кладовые, повесь этих болванов, оставь только слуг – они здесь еще пригодятся.

– Но позвольте, граф, мы ведь сами сдались! Мы ведь не оказывали сопротивления! – воскликнул Оллим.

– Ну и зря, можно было хотя бы попытаться, – пожал плечами де Гиссар и, отвернувшись от приговоренных, крикнул: – Тысячники, разбивайте лагерь прямо здесь! В замок никому не соваться!

Вечером в лагере было скучно. Де Гиссара не развеселила даже групповая казнь графа Оллима и его «рыцарей». Они недолго болтались на веревках и быстро умерли.

Подобные зрелища были для графа обычны, а потому давно потеряли новизну. Возможно, кто-то развлекался иначе, но де Гиссар умел только убивать – это объединяло его с уйгунами и гельфигами. Наемники, те убивали по привычке, а дезертиры – чтобы угодить хозяину.

Глядя на раскачивающиеся тела, де Гиссар вдруг пожалел, что не оставил в живых одного-двух, может быть, даже графа Оллима. Те, кого он миловал в последний момент перед казнью, обычно были ему благодарны и готовы были говорить сутками, изливая свое восхищение и благодарность. Иногда это было забавно.

Чтобы развеяться, де Гиссар в сопровождении нескольких уйгунов и перепуганного слуги-ключника с факелом в руке обошел все помещения замка. Там не было ничего особенного – только казармы, где жили гвардейцы, их столовый зал, апартаменты самого графа Оллима, обставленные весьма скромно.

Большую часть застекленных шкафов занимали книги, должно быть, наворованные из библиотеки герцога.

Псарни в замке не было, охотничьей комнаты – тоже.

«Чем Оллим занимался в часы досуга? – недоумевал де Гиссар. – Неужели читал?»

Остановившись перед очередным шкафом с книгами, де Гиссар распахнул дверцы и осторожно дотронулся до корешков старинных переплетов.

«Сжечь их, что ли?» – подумалось графу. Впрочем, он тут же вспомнил о судьбе своего бывшего хозяина, капитана Бэйтса, в шайке которого когда-то давно обучался разбойничьему мастерству. Хозяин сгорел возле костра, в котором жег украденные книги. Он забрал их из богатого дома в надежде, что золото на их обложках настоящее, но, разобравшись, что это только шитье, бросил книги в костер и сел рядом смотреть, как они горят.

Позже многие говорили, будто на Бэйтсе загорелась одежда. Сам де Гиссар прибежал на шум и увидел, что капитан Бэйтс горит ярким трескучим пламенем, не издавая при этом ни звука, только раскачивается, словно силясь подняться. Он сгорел дотла, не оставив даже почерневших костей.

«Нет, не буду», – сказал себе де Гиссар и прикрыл шкаф.

И все-таки скучно жил этот книжный червь граф Оллим, размышлял де Гиссар, переходя из комнаты в комнату. Вот когда он получит настоящий графский титул и не из рук герцога, а милостью самого короля, вот тогда он развернется в полную силу и его замок будет самым богатым и значительным в округе. За время разбойничьего промысла де Гиссар скопил огромные богатства. Они лежали в тайниках, сооруженных в горах, на дне глубоких озер и под корнями вековых деревьев в непроходимых лесах.

12

Вечером разъезд солдат графа фон Марингера приметил на Морской дороге одинокого всадника. Десять верховых понеслись ему навстречу и были немало удивлены, увидев перед собой гнома, ехавшего на небольшом сером муле.

– Стой! – приказал путнику старший разъезда, бравый вахмистр. – Ты кто такой будешь?

– Меня зовут Фундинул. Я еду из города Коттона.

– Какой-то ты потрепанный, – с усмешкой заметил вахмистр. – Как будто тебя собаки драли. Уж не воришка ли ты, которого выгнали из города?

– Меня не собаки драли, ваша милость, а разбойники графа де Гиссара. Их целая пропасть наехала в Коттон, а Кузнечную Слободу и вовсе сожгли.

– Де Гиссар? Уж не хочешь ли ты сказать, гном, что этот разбойник захватил добрый город Коттон?

– Именно так, ваша милость. Захватил, ограбил и частью пожег. Вот и мастерская моя сгорела.

Последнюю фразу Фундинул произнес с болью в голосе, а его мул по кличке Шустрик тяжело вздохнул.

– Что же, и осада была?

– Была, ваша милость, но недолгая.

– А что у тебя в седельном чехле, гном? Оружие?

– Оружие, ваша милость, это мой топор. Если бы не он, я бы погиб на пороге своего дома.

– Неужто ты самолично рубил уйгунов, мастер Фундинул? – со смехом произнес вахмистр, чем вызвал хохот своих солдат.

– Рубил, ваша милость, – подтвердил Фундинул, не обращая внимания на насмешки. – А куда было деваться – жизнь пришлось спасать.

– Так куда же ты путь держишь? Ведь эта дорога ведет напрямик к замку Марингер.

– Туда и ехал. Хотел предупредить графов о разбойнике де Гиссаре.

– Вот как? – Вахмистр с сомнением покачал головой, рассматривая гнома и прикидывая, не может ли тот оказаться шпионом де Гиссара. Впрочем, едва ли такое было возможно, шпиона проще было подобрать из людей, чтобы не привлекать излишнего внимания.

– Ладно, так и быть, проводим тебя к замку, чтобы ты не заплутал часом.

– Премного вам благодарен, ваша милость, – сказал гном и тронул своего мула, который послушно зарысил между высокими лошадьми мардиганской породы.

Через час вся процессия прибыла к замку, на стенах которого Фундинул увидел штандарты фон Марингеров и пики дозорных со сверкавшими на солнце наконечниками.

Мачты дремавших баллист были угрожающе наклонены вперед, а из бойниц нижнего ряда торчали приготовленные рогатки, которыми при необходимости можно было отталкивать штурмовые лестницы.

Даже подобраться к стенам было не так просто. Замок был окружен крепостным рвом пять ярдов в ширину и пятнадцать футов в глубину. Он был укреплен каменной кладкой, чтобы нельзя было обрушить края, как это делалось при штурмах.

Лошади процокали по обитому железом мосту, и разъезд вместе с Фундинулом въехал в замок, на широкий, мощный камнем двор. Повсюду царило оживление, в дальнем конце двора стояла конюшня и там чистили лошадей, в другом месте пожилой капитан придиричиво осматривал рослых рекрутов, одетых в форму герцогских гвардейцев. Солдаты были неопытные, и следовавший за капитаном ветеран поправлял на новобранцах то кирасу, то криво прицепленный наплечник.

Помимо солдат и офицеров, принадлежавших к армии герцога Ангулемского, во дворе находилось несколько рыцарей из собственной армии фон Марингеров – те, кому разрешалось кормиться с небольших деревень и поместий, расположенных на окраинах владений графов.

Рыцарей сопровождали оруженосцы и слуги, тащившие кто тяжелый меч, кто парадный шлем с плюмажем.

Вахмистр указал гному на пустовавшую коновязь, видимо, это было место для лошадей его отряда. По кучам навоза скакали и громко чирикали непоседливые воробьи.

– Топор оставь здесь, – приказал вахмистр и слез с лошади.

Фундинул не стал перечить и, спустившись с мула, привязал его к коновязи. Затем проверил чехол с топором и многозначительно посмотрел на солдат: дескать, за сохранность отвечаете головой.

В сопровождении старшего и еще трех конвоиров, одетых в панцири из многослойной простеганной кожи, он ступил под каменные своды замка.

Повсюду, в коридорах и на лестницах царила все та же суета, как будто уже объявили о приближении врага. Впрочем, эти сборы не были связаны с нападением на Коттон, поскольку об этом здесь еще не знали. Фундинул хотел спросить сопровождавших его солдат, что послужило причиной этих лихорадочных приготовлений, однако не решился.

Наконец его ввели в просторный сумеречный зал, по стенам которого горели большие факелы – света, падавшего сквозь высокие стрельчатые окна, не хватало, солнце клонилось к закату.

Посреди зала, вокруг большого круглого стола располагалось несколько рыцарей, они стояли, склоняясь над картой, и что-то обсуждали. Герберта фон Марингера, бьюарда герцогской армии, Фундинул узнал сразу. Это был седой широкоплечий мужчина в пурпурных, расшитых золотом одеждах, поверх которых были надеты легкая кираса и пластинчатые наплечники.

На шее графа Герберта висела на массивной золотой цепи звезда бьюарда – знак, дававший на территории герцогства Ангулемского значительную власть.

Среди собравшихся вокруг стола рыцарей были сыновья графа-бьюарда – Симеон, Густав и Вилгар. Их кирасы украшал фамильный графский герб.

Заметив вошедших, граф фон Марингер оторвался от карты и с удивлением посмотрел на гнома.

Вахмистр отсалютовал графу и доложил:

– Задержали на Морской дороге, ваше сиятельство! Ехал к замку!

– Вот как? – Граф распрямился, придерживая рукоять меча. – Кто же он таков и по какой надобности сюда явился? Пусть отвечает сам.

– Меня зовут Фундинул, ваше сиятельство. Я – мастер по серебру из города Коттона.

– Зачем ты ехал в мой замок, Фундинул? Или не в замок, а?

– В замок, ваше сиятельство.

– Зачем?

– Хотел предупредить ваше сиятельство об опасности. На Коттон напал разбойник де Гиссар, который называет себя графом. Третью города им уже сожжена – это Кузнечная Слобода, где была моя мастерская.

– Так ты полагаешь, Фундинул, что де Гиссар может угрожать мне, герцогскому бюварду? – В голосе фон Марингера слышалась усмешка. Стоявшие рядом рыцари заулыбались, им казалось забавным, что кто-то думает, будто разбойники могут попытаться атаковать замок Марингер.

– Когда я прятался от разбойников в сундуке, ваше сиятельство, я слышал, как он говорили, будто де Гиссар решил пойти в глубь земель герцога. В таком случае вашего замка ему не обойти.

– Не обойти, – согласился граф. – Но хватит ли сил у этого де Гиссара? Сколько у него солдат?

– Много, ваше сиятельство. Так много, что они не поместились во внутреннем городе вместе с лошадьми, оставили их снаружи – на холмах.

– Как же случилось, что де Гиссар застал город врасплох? Помнится, раньше Коттон успешно отбивался.

– Наверное, разбойники приплыли морем, ваше сиятельство, иначе бы мы задолго узнали об опасности.

– У Коттона хорошие стены, почему он так быстро сдался?

– О-о... – Гном покачал головой. – У де Гиссара появились летающие уйгуны и гельфиги.

– Летающие? Уж не возит ли этот разбойник с собой магов?

– Не знаю, ваше сиятельство, только бежавшие от стен ополченцы говорили, будто гельфиги парили над стенами и расстреливали всех своими страшными стрелами. А уйгуны, словно каменные ядра, обрушивались на головы ополченцев.

– Интересно. Очень интересно, – произнес граф среди воцарившейся в зале тишины. Улыбка сошла с его лица.

– Что же ты собираешься делать? – спросил он, глядя на расплосованный кожаный фартук гнома. – Останешься в замке или уйдешь?

– Остаться не могу, ваше сиятельство, отправлюсь дальше, в город Ливен.

– На дорогах сейчас опасно, здесь на севере их в любой момент могут перекрыть войска короля. Ты слышал об этом?

– Нет, ваше сиятельство, – ответил Фундинул, и только теперь до него дошло, какого врага ждали в замке. – Но, думаю, как-нибудь пробьюсь. Со мной мой скакун и острый топор.

– Ты возишь с собой топор? – удивился граф. Впрочем, квадратная фигура грома говорила о его недюжинной силе.

– Так точно, ваше сиятельство! – доложил вахмистр. – Топор остался внизу, у коновязи.

– А лошадь... Разве гномы ездят в седле? Я слышал, вы боитесь лошадей, – заметил граф.

– Я езжу на муле, ваше сиятельство, – пояснил Фундинул. – По кличке Шустрик.

– Кто научил тебя ездить на муле? Уж, наверное, не твои братья гномы?

– Меня научил его милость Каспар Фрай, тот, что состоит на службе у герцога. К нему я и поеду – прямо в Ливен.

– В Ливен – это правильно. Все же ближе к ставке нашего герцога...

Граф замолчал, пытаясь понять, кто таков этот гном, – уж очень странным казалось то, что он ездит верхом, пусть даже на муле, таскает с собой боевой топор и не боится отправиться один по беспокойной дороге. Такой молодец вполне мог оказаться королевским шпионом.

Другие рыцари тоже с подозрением смотрели на гнома. Они понимали, что, удостоив этого оборванца чести беседовать со своей особой, фон Марингер вел какую-то игру.

– А скажи мне, герой, вот что. От Коттона до моих земель тебе попались по крайней мере три реки. Как озерные люди пропустили тебя? Может, ты знаешь какое-то заклинание?

– Заклинания я не знаю, ваше сиятельство. Через одну реку меня перевез паромщик, взяв в уплату серебряный рилли, он старый колдун и умеет договариваться с этими чудищами.

– Ну а еще две?

– Каспар Фрай, ваше сиятельство, его имя наводит на них страх.

– Вот так новость! – усмехнулся фон Марингер. – Я слышал об этом Фрае, но чтобы его имени боялись озерные люди... И что же, каждый может пользоваться его именем?

– Нет, ваше сиятельство, только его друзья, и в том числе один молодой дворянин, который утверждает, что носит ваше имя – фон Марингер.

– Да неужели?! – воскликнул, не удержавшись, старший сын графа Симеон. – Кто же этот самозванец?

– Его зовут Бертран, ваше сиятельство, – ответил Фундинул. Он и сам не понимал, зачем назвал Бертрана.

Прозвучавшее в зале имя смутило старого графа. Он помолчал, а затем произнес сухим безжизненным голосом:

– У меня нет других сыновей, кроме тех, которые сейчас находятся рядом со мной. Других фон Марингеров нет и быть не может, а если какой-то самозванец выдает себя за моего сына, я схвачу его и властью, данной мне герцогом, предам лютой смерти...

Поняв, что сказал лишнее, фон Марингер поспешил сменить тему.

– Есть ли у тебя нужда в еде, питье или деньгах, Фундинул? – спросил он.

– В деньгах не нуждаюсь, ваше сиятельство, кое-какое серебро я успел положить в кошелек, а вот от куска хлеба и от воды не откажусь.

– Хорошо, проводите его на кухню, вахмистр, пусть Фундинула хорошо накормят, предоставят место для ночлега, а утром он волен ехать куда угодно, не чините ему препятствий, – приказал фон Марингер.

– Слушаюсь, ваше сиятельство, – ответил вахмистр. Его солдаты, как по команде, резко повернулись и, звеня шпорами, вывели гнома из зала. Когда их шаги стихли, фон Марингер сказал, обращаясь к младшему сыну:

– Вилгар, спустись за ними и скажи вахмистру, чтобы проследил за гномом, может статься, что это лазутчик, который едет на встречу с королевским резидентором. Тогда нужно будет схватить их обоих.

– А если он ни с кем не встретится?

– Тогда... пусть убьют его, на всякий случай, чтобы не разносил этих рассказней о существовании некоего «Бертрана фон Марингера».

– Слушаюсь, отец.

13

Утром, как только рассвело, войско снялось с места и двинулось дальше на восток, держа путь к замку Марингер – до него было три дня пути. Де Гиссар надеялся сократить это время, оставив большую часть обоза в замке Оллим, вместо награбленного золота он взял продукты и фураж.

Первый день пути прошел легко, несмотря на то что местами войско двигалось по дорогам, сплошь усыпанным битым камнем, не захромала ни одна лошадь. После обеда пыль прибило легким дождичком, и вдоль дороги стали попадаться эльвазии – цветы-скороспелки. Они бывали ярко-красные, желтые, малиновые и источали сладковатый пьянящий аромат, однако срывать их никто не решался – эльвазии приносили неудачу.

На ночлег граф приказал стать на небольшом плоскогорье – дальше начиналось ущелье, и оставаться в нем на ночь было рискованно. Фон Марингер происходил из старинного воинского рода и знал множество способов, как нанести противнику урон. Едва ли он теперь мог атаковать де Гиссара, однако завалить камнями две-три сотни солдат было ему по силам.

Помимо этой опасности, следовало помнить о горных духах, которые высасывали силы из спящих на камнях людей. И если человек обычно отделялся временной слабостью или скверным настроением, то прислонившаяся к пещерной стене лошадь могла пасть. Такие примеры тоже имели место.

Поскольку было еще светло, де Гиссар решил устроить охоту. Вместе с уйгунами он проехался вдоль дороги, и те выгнали графу под выстрел зайца. Де Гиссар не сплеховал и подстрелил косога. Это подняло настроение не только ему, но и его солдатам, все посчитали удачную охоту добрым знаком, сулившим удачу в штурме Марингера, без сомнения самого укрепленного замка во всей долине.

Ночью больших костров не зажигали – солдаты вели себя осторожно. У границ лагеря происходило какое-то движение – постовые слышали тяжелые шаги и

явственно ощущали резкий запах падали, то появлявшийся, то исчезающий без следа.

Кому-то мерещился демон о двух ногах, и пару раз по нему выпускали стрелу, в другой раз у костра замечали безмолвный силуэт в черном, надвинутом на лицо капюшоне.

Плохо спали даже уйгуны и гельфики, их беспокоил тихий перестук камней в глубинах гор, однако наемники и дезертиры этого стука не слышали.

Как бы там ни было, ночь прошла, а утро выдалось туманным. Солдаты поднимались злые и, чтобы прийти в себя, пили остывший отвар из степных трав. Пока войска выстраивались в колонну, налетевший ветер разогнал туман и тучи, выглянуло солнце.

Де Гиссар махнул рукой, и колонна двинулась по дороге, растягиваясь на полторы мили. Последним в клубах пыли двигался обоз, догнавший войско накануне вечером.

Водоемов больше не встречалось – местность стала посуше. Колодцы, что попадались на дороге, моментально вычерпывались, поэтому была установлена строгая очередность, по которой полки поили лошадей.

Все деревни в округе выглядели столь же пусто и неприветливо, как и те, что проезжали ранее. Ушедшие крестьяне не тронули своей грубой утвари, зато амбары были вычищены дочи́ста. Однако де Гиссар не расстраивался, в прежние времена ему столь же редко удавалось застать врасплох жителей придорожных селений.

Ближе к полудню армия подошла к небольшому озеру, однако напоить в нем животных не получилось – вода имела желтоватый цвет, а на поверхности плавали мертвая рыба и лягушки. Все указывало на то, что водоем был отравлен орандином, минеральным ядом, содержащимся в горной глине. Попив такой воды, человек рисковал заполучить расстройство желудка, а лошади сильно ослабевали.

Фон Марингеры начали действовать, и это заставляло де Гиссара готовиться к нешуточному сопротивлению.

Впрочем, как добыть чистую воду, он знал. Де Гиссар приказал выкопать цепочку колодцев на расстоянии пятидесяти ярдов от озера. Его расчет оказался верен – на глубине шести футов появилась вода. Колодцы соединили в единый канал, который быстро наполнялся довольно чистой водой из родников.

Напоив лошадей, армия де Гиссара оставила отравленное озеро и продолжила путь к замку.

Дорога петляла между холмами, поросшими клочками чахлой зелени, на каждой возвышенности стояли уйгуны. Они были глазами и ушами де Гиссара, совершая короткие разведывательные рейды.

Пройдя плоскогорье, колонна спустилась в зеленую, заставленную каменными столбами долину.

Столбы выглядели опасно и в то же время величественно, казалось, они словно часовые охраняют извивающуюся между ними дорогу. Подъехав к подножию первого из них, де Гиссар поразился тому, насколько велики оказались эти сооружения – в пять-шесть обхватов в основании и в сорок-пятьдесят футов высотой. С середины и до самого верха столбы были испещрены древними письменами – арамейскими или еще более старыми.

Де Гиссар отчетливо представил себе, как стоящий в полный рост огр-мастерской выбивает эти знаки.

Солдаты проезжали мимо столбов молча, подавленные величиим этих сооружений, а лошади испуганно прядали ушами и шарахались от невидимых при дневном свете призрачных созданий.

14

Лишь под вечер войско миновало долину столбов и, перевалив еще одно плоскогорье, остановилось возле небольшого лесочка, неведь как зацепившегося на каменистом склоне холма.

Граф отдал распоряжение становиться на ночлег, а для себя приказал разбить в лесу шатер: иногда ему надоедало находиться среди солдат и хотелось побыть одному.

Шатер поставили среди деревьев, там же в лесу нашли место для ночевки два полка, остальные разместились чуть выше на склоне, чтобы прикрывать лагерь хозяина и присматривать за лошадьми.

Пужинав вяленным мясом и вином, де Гиссар сразу уснул, однако среди ночи был разбужен старшим тысячником Мюратором.

- Хозяин! - позвал тысячник, расталкивая графа.

- Что такое? - спросил тот, сразу хватаясь за меч.

- Хозяин! Неладное творится...

- Идем, - коротко сказал граф, поднимаясь. Он быстро натянул сапоги и вышел с Мюратором из шатра.

Оказавшись на воздухе, де Гиссар заметил между деревьев неясные сполохи и услышал шум, как от далекого водопада. Шум этот то усиливался, то сходил на нет.

В лесу никто не спал, да и те, кто ночевал на склоне, наверное, тоже.

Расталкивая уйгунов, Мюратор провел де Гиссара к краю лесочка, и там они остановились. Отсюда хорошо было видно, что творится в ночном небе. Огненные зигзагообразные росчерки сплетались в клубки и молниями расходились в стороны, они-то и издавали этот гул бушующей воды. Когда хвосты пламени проносились над землей, по их следу вспыхивала сухая трава, которая гасла, едва огненные вихри уносились в небо, ревя водопадом.

Де Гиссару показалось, что он чувствует запах дыма, а еще он понял, что эти существа, кто бы они ни были, попросту играют в небе, как какие-нибудь щенки, гоняясь друг за другом.

- Похоже на духов огня, - сказал он.

- Только не это, хозяин, только не это, - хрипло произнес бесстрашный Мюрат.

Встретить духов огня на открытом месте означало погибнуть всем, сколько бы ни было солдат или лошадей. Огненные сущности, особенно молодые, как эти, были весьма прожорливы и не оставляли после себя ничего, кроме обугленных костей.

- Мне кажется, я знаю, откуда они взялись, - сказал граф.

- Откуда?

- В пятидесяти милях к северу есть пустыня Сабинленд, огромное безжизненное пятно, где они и живут. Там они опасны, а здесь, я думаю, нет.

Де Гиссар старался говорить уверенно, однако, глядя на игравших в ночном небе молодых огненных драконов, почувствовал, как в душу закрадывается страх.

Неожиданно огненные духи прекратили игры и понеслись прочь, на север и вскоре исчезли за горизонтом. Вокруг снова стало темно и тихо. Мюрат облегченно вздохнул.

- Как же это понимать, хозяин? - спросил стоявший чуть позади Бланас, новый тысячник, назначенный на место погибшего Анувея.

- Огонь в небе - к удаче, - уверенно заявил де Гиссар. - Это означает, что нас ждет победа, другого и быть не может.

Под впечатлением увиденного граф никак не мог уснуть. Что, если бы духи огня заметили солдат на склоне и в лесу? Выжгли бы они тогда все вокруг, не оставив и травинки? А может, они все видели, но не посчитали нужным нападать?

Де Гиссар не раз слышал о том, что огрские маги и мудрецы успешно приручали огненных драконов. Граф плохо себе это представлял - как можно приручить свободное пламя, ведь даже маги из могущественных орденов предпочитали не связываться с огненными стихиями.

Забыться коротким сном графу удалось лишь под утро, но вскоре его разбудил личный телохранитель, уйгун Райбек.

– Вставайте, хозяин! Беда!

– Да что там опять приключилось?! – воскликнул де Гиссар, резко поднимаясь и сбрасывая остатки сна. Взяв с походного стола большую чашку с травяным отваром, он сделал несколько глотков и поморщился – настой был жутко горьким, однако хорошо бодрил.

– Ну что там, говори! – потребовал граф, приглаживая волосы.

– Несколько солдат не проснулись, хозяин.

15

Нахлобучив охотничью шляпу, де Гиссар вышел следом за Райбеком.

Притихшие уйгуны выстроились коридором, по которому Райбек провел графа до места происшествия.

Все случилось возле расщепленного ствола старого дуба. На земле остались лежать около двадцати солдат. Здесь были и наемники, и дезертиры, и уйгуны, и гельфики. Неизвестная напасть не пощадила никого, однако действовала с крайней избирательностью, ведь солдаты спали вповалку, и спавшие рядом с теми, кто погиб, чувствовали себя абсолютно здоровыми.

– Приподними его, – приказал де Гиссар, и Райбек поднял за плечи тело наемника с шрамом на щеке. Граф знал его в лицо, этот человек прошел через сотню боев и остался жив, однако умер во сне и, судя по выражению застывшего лица, даже не мучился.

Под телом погибшего наемника земля была взрылена. Как и под другими погибшими.

- Кто-то забрал их жизни, - сказал Райбек.

- Вот именно, - вздохнул де Гиссар. Он повернулся к подошедшему Мюрату: -
Что с остальными полками?

- У них все в порядке. Лошади тоже целы, ни одна не заболела.

- Вот и хорошо, нужно немедленно выступать - здесь нехорошее место.

- Часовые докладывали о черном призраке.

- Это который в капюшоне?

- Так точно, хозяин, он самый.

- Возможно, не проснувшиеся солдаты на его совести.

- Может, и так.

- Выступаем, - повторил де Гиссар. - И чем скорее, тем лучше.

Уже через час колонна вытянулась на пыльной дороге, и, обгоняя ее, по обочинам промчались отряды авангарда.

Впрочем, разведка не успела уйти далеко - граф увидел, как покатались по земле несколько вылетевших из седла уйгунов, а их лошади с визгливым ржанием начали вставать на дыбы.

- Звездочки... - угадал Мюрат.

- Не иначе, - согласился де Гиссар. Вскоре двое уйгунов вернулись.

- Все засыпано шипами, хозяин! Что будем делать?

- По обочинам пойдем. Проверьте, есть ли и звездочки на обочинах.

Уйгуны снова умчались вперед, а колонна встала. Лошади дергали поводья и всхрапывали, всадники приподнимались в стременах, пытались разглядеть, что там впереди и почему войско не движется.

Сзади, поскрипывая колесами, приближался обоз. Ночью он снова нагнал войско, и до утра обозные не успели выспаться. Они зевали и добирали свое на ходу, прямо в телегах.

Наконец войско двинулось дальше – на дороге стоял тысячник Мюрат и разделял всадников на два потока, чтобы те ехали по обочинам. Поначалу солдаты недоумевали, зачем потребовалось ехать по валунам и рисковать лошадьми, однако вскоре по рядам пронеслось – «шипы», – и все стало ясно.

Ехать по обочинам было нелегко, колонна двигалась медленно, однако несколько сломанных лошадиных ног были пустяком по сравнению с действием шипов, которые ранили лошадей целыми сотнями.

Вскоре дорога пошла по песку, и колонна вернулась в колею – ставить шипы здесь не было никакого смысла, они вдавливались копытами в грунт.

К вечеру отряд вышел на плоскогорье, с которого был виден величественный замок Марингер.

– Ну вот мы и пришли, Мюрат, – вздохнув, сказал де Гиссар. – Ставь лагерь по всем правилам. Ночью возможны нападения, ведь мы на землях фон Марингеров, а они просто так не сдадутся. И не забывай про обоз – вражеские лазутчики могут его поджечь. Где наши возчики?

– Они обували лошадей в башмаки из дощечек, повозку ведь по обочине не протацишь. Поэтому задержатся.

– Отправь им в помощь полторы сотни уйгунов – если мы останемся без снабжения, будет скверно.

– Слушаюсь, хозяин.

– И обнови разведку, пусть соберут три отряда по пятьдесят всадников и обшарят окрестности. Мы должны знать все, вплоть до того, имеются ли здесь контрподкопы.

Контрподкопы были новинкой в осадных войнах. Это новшество завезли с Западных земель, где войны не утихали уже тридцать лет. Суть метода была проста – из крепости выводили подкоп в тыл осаждающей армии или прямо в ее лагерь. Среди ночи из-под земли появлялся отряд, и все войско неприятеля тихо вырезалось.

Чтобы проверить, если ли контрподкопы, осаждающие должны были простукивать все подозрительные места, но это не всегда помогало, поэтому приходилось рыть глубокие «слуховые ямы», в которые сажали «слухачей». А уж те в абсолютной тишине, царившей под толщей земли, могли услышать удары заступов.

Мюрат быстро сделал все необходимые распоряжения и вернулся.

– Вода нужна, хозяин.

– Воду добудем, как вчера, – из-под земли. Вон там, видишь, зеленая травка. – Де Гиссар указал на небольшую впадину размером пятьдесят на пятьдесят ярдов. – Наверняка там есть родники. Колодцами, даже если они найдутся поблизости, мы пользоваться не сможем – они наверняка отравлены.

– Я пошлю копать сто человек.

– Пошли двести, скоро стемнеет.

– Да, хозяин.

На графской кухне Фундинула хорошо покормили, не пожалев ни чесночной похлебки, ни каши с салом, ни даже бараньей ноги. Гном подивился такому

гостеприимству, однако объяснил его порядочностью и благородством хозяина замка. Чего тут гадать: раз гном предупредил его сиятельство об опасности, его сиятельство как может благодарит гнома.

После сытной трапезы пышная кухарка предложила Фундинулу заночевать на мужской половине лакейского флигеля, при этом добавила, что клопов там вывели еще прошлым летом, однако Фундинул вежливо отказался и предпочел разместиться на сене в конюшне рядом со своим мулом.

В отсутствие хозяина Шустрика уже вычистили, задали меру овса и напоили чистой водой. Мул был доволен и, как видно, мечтал о том, чтобы остаться в графской конюшне навсегда.

– Нет, Шустрик, – угадав мысли мула, сказал гном. – Нам нужно идти дальше. Нельзя злоупотреблять гостеприимством его сиятельства, поищем пристанища в другом месте, там, где попроще. А сейчас давай спать, завтра предстоит дальняя дорога.

Утром Фундинул и его мул сытно позавтракали – гном просяной кашей, а мул второй мерой овса. Кухарка дала им в дорогу холщовую сумку с четвертиной хлеба, кругом козьего сыра и горстью изюма. Кожаный мешок с водой дополнял их запасы, да еще к седлу был приторочен мешок с двумя мерами сеяного овса.

Дорога бежала ровно, птицы пели и перелетали с куста на куст, Фундинул щурился на солнце и думал о том, что его злоключения позади, а впереди лишь добрый путь до самого Ливена. Хороших людей, как считал Фундинул, все равно больше, чем плохих, об это свидетельствовал прием, какой был оказан ему в замке. В кошельке за поясом оставалось еще немало серебряных рилли, а у дороги попадалось достаточно богатых селений, где можно было купить и стол и кров.

Почему Фундинул ехал в Ливен, он и сам не знал. Это решение пришло как-то само собой, как только гном покинул разоренный город Коттон. Дождавшись в гроте, пока уберутся пущенные по его следу разбойники де Гиссара, Фундинул выехал на дорогу и сразу понял, что поедет именно в Ливен, под защиту Каспара Фрая. Вернее, не под защиту, а под командование. Гном ни минуты не сомневался, что его милость сразу даст нужный совет и растолкует Фундинулу, как ему поступить.

А ведь как все хорошо начиналось: Фундинул погостил у родственников в стране гномов, куда добирался долгих полтора месяца. Доказал им, что он честный гном и не брал серебра своего дяди, в чем его незаслуженно обвиняли последние годы. Потом вернулся в Ливен и получил тысячу дукатов, которые его милость Каспар Фрай заплатил ему за участие в походе к Южному морю.

Устраивать свою личную жизнь Фундинул решил у Северного моря, в городе Коттоне. Он слышал, что гномов в этом городе мало, а на товары из серебра есть устойчивый спрос.

Ремесло мастера по серебру было для Фундинула самым главным, именно этим он мечтал заниматься всю жизнь, однако в своих скитаниях по миру гном научился делать многое, освоил кузнечное ремесло и даже собрал запас инструментов, что стоило ему немалых денег. Подковать лошадь, починить ось или изготовить дюжину шестигранных гвоздей – все это он умел. Приходилось и топором махать, как-то Фундинул даже нанимался телохранителем к богатому гному из Тведело.

И вот теперь у него остались только горстка рилли, топор да мул. Дукатов на пятьдесят серебра удалось припрятать в укромном месте – в подвале мастерской, остальные деньги пошли на строительство – три цеха, жилые комнаты, кузня. И самые новые станки, привезенные с королевских земель из колонии гномов в Мозеле.

Мастерская у Фундинула получилась лучшая на всем побережье. Ему завидовали и гномы и местные мастера. В подмастерья он взял двух молодых гномов, на его взгляд совершенно бестолковых.

Поначалу заказов было мало, но потом дела пошли. Мастерская делала брошки, застёжки, штамповала пуговицы, свивала нитки для золотошвеек, чеканила пряжки для обуви и ремней. Изредка приходилось делать искусную брошь или диадему, однако такие заказы поступали редко, и большей частью серебро переводили на пряжки и пуговицы.

А потом прискакали разбойники, взяли город штурмом и стали ломать мастерскую да грабить серебро. Увидев это, Фундинул пришел в бешенство и, схватив топор, начал рубить врагов налево и направо с такой яростью, что обратил в бегство целый отряд рослых наемников и поддерживавших их

уйгунов.

Позже, когда в голове прояснилось, Фундинул понял, что нужно скорее бежать, не то, вернувшись с подкреплением, разбойники непременно его прирежут.

И он сбежал, а желание отомстить привело его к замку Марингер. Гном надеялся, что, услышав его рассказ о бесчинствах разбойников, его сиятельство как бювард герцога немедленно поведет войско на Коттон и переловит грабителей. Однако оказалось, что и в самом замке были чем-то напуганы и ожидали какой-то другой беды. Фундинул не сразу понял, что угроза исходит со стороны короля, а когда понял – удивился. Герцог был вассалом короля, зачем же им воевать?

Впрочем, теперь эти проблемы не очень занимали Фундинула, у него и своих хватало. Годы шли, а у него не было подруги и найти ее не было никакой возможности, ведь среди людей жили только гномы мужского пола, добытчики. Разбогатеv, они возвращались в страну гномов и женились, будучи уже состоятельными и знатными. Фундинул этого уровня достичь не успел и снова был обречен на холостяцкое существование. А что делать, если жизнь не складывается? Зарабатывать постыдным ремеслом наемника, как какой-нибудь орк, вроде знакомого ему Углука?

Шустрик размеренно топал по пыльной дороге, а когда спустился в низину, замотал головой и попытался дотянуться до росшего на обочине клевера.

– Но-но, Шустрик! Прочь морду! Прочь! Ты недавно ел, а от свежего клевера раздувает брюхо, разве не знаешь?

Прочитав мулу наставления, гном вернулся к своим мыслям – последняя была об орке Углуке, который прослыл удивительным обжорой. Казалось, он мог есть часами, даже не прерываясь на сон. Куда, интересно, подевал свою тысячу дукатов этот обжора? Проесть столько золота невозможно, как ни старайся, однако он мог и прогулять – с орка станется. Разве правильно давать орку столько золота? Вот гномы, те знают деньгам счет, а оркам только бы подраться, нажраться и выпить. Варвары, одно слово. Они не то что по серебру работать, корзину сплести не смогут с их кулачищами и толстыми пальцами. Только драться, другого занятия не знают. А оружие! А снаряжение! Фундинул вспомнил позеленевший меч Углука, огромный и неухоженный. Одни, на все

времена года, засаленные штаны, солдатские башмаки со сбитыми носами, жилет из бычьей шкуры с дырками от лат, которые он проел, как проел и ножны от меча. А чего стоил шлем, весь исполосованный ударами и едва державшийся на макушке орка! Углюк даже ванну принимал, не снимая этой кастрюли.

Гном засмеялся вслух, довольный своей шуткой. Впрочем, были у них с Углюком и хорошие отношения, но лишь тогда, когда орк признавал, что гном умнее.

Внезапно Шустрик захрапел и дернул головой.

Фундинул привстал в стременах и осмотрелся. Как будто ничего особенного, местность голая, и спрятаться засаде негде.

Гном оглянулся и там, где дорога уходила за холмы, приметил силуэт одинокого всадника, который тут же исчез.

– Интересно, – произнес Фундинул. – Кто бы это мог быть? Давай, шевели копытами, Шустрик, а то получим неприятности. Ох, не нравится мне этот север, то ли дело город Ливен...

И гном принялся понукать мула, время от времени оборачиваясь и всякий раз примечая следовавшего за ним всадника.

17

Некоторое успокоение Фундинул находил, лишь трогая притороченный к седлу чехол, в котором лежал его верный топор. Он не раз выручал гнома, да и его милость Каспар Фрай взял Фундинула в свою команду только из-за этого топора.

А случилось это так: Фундинул был на мели, хоть в шуты нанимайся, только топор при нем да одежда. А тут его милости бойцов не хватало, чтобы выполнить поручение его светлости герцога Ангулемского. Он и говорит: покажи, гном, что ты умеешь делать топором. Фундинул и принялся махать, только свист стоял. Его милости такая работа понравилась, он и взял гнома на службу.

Потом попался этот варвар, Углук. Фундинул предупредил его милость, чтобы тот не брал орка на службу, но его не послушали. И что вышло? Прожорливый, а толку никакого.

Позже к ним эльф прибился, они его на чердаке дома нашли, что на Скотной площади. Этого тоже Углук присоветовал.

Эльф, как и положено, попался гордый, независимый, но есть что-то надо, вот он и принял предложение его милости – за деньги из лука стрелять. Эльфа этого сородичи искали, чтобы судить, будто бы убил он кого-то и сбежал. Так бы и сидел бедняга на чердаке, если б не его милость.

Еще был Бертран, тот самый сын фон Марингера, от которого старый граф отказался. Там тоже семейное дело, вроде соблазнил он невесту брата, за что и выгнали его из дома и всего лишили.

В жизни Бертран – сущий ребенок, дворянин, что с него взять, но когда в халифате пришлось выступать на рыцарском турнире, показал себя опытным бойцом – повышибал из седел всех местных рыцарей, хотя и играли они не по правилам.

Был в команде и свой колдун – мессир Маноло. Он не раз спасал весь отряд от неминуемой гибели. Уводил от таких ужасов, что Фундинулу и вспоминать о них страшно.

Гном вздохнул и оглянулся – всадник снова был на дороге. И, кажется, не один. В горячем мареве силуэты размывались, становясь похожими на призраков.

– Надо было попросить у его сиятельства провожатых, – вслух сказал Фундинул, а мул насмешливо замотал головой.

– Чего ушами машешь? – обиделся Фундинул. – Его сиятельство был очень добр к нам и, попроси я его, отрядил бы двух гвардейцев из разъезда, они показались мне хорошими людьми. – Наверное, грабители, – продолжал гном, оглядываясь назад. – Хотят серебро мое забрать.

Впрочем, он тут же вспомнил, что никакие грабители о его серебре ничего не знали, ведь упоминал о кошельке он только при его сиятельстве и других рыцарях. И при гвардейцах из разъезда, но они не могли задумать такое.

– Нет, это просто бродяги, – уговаривал себя гном. – Шустрик, перебирай ногами, надо поскорее проскочить лес, а то плохо нам придется. Ой плохо!

Шустрик перешел на рысь, однако бежал как-то неуклюже – для мула вполне сносно, но лошади точно бы смеялись. Его копыта молотили по пыльной дороге, пугая птиц в придорожном кустарнике, а солнце уже вышло в зенит и жарило нестерпимо.

Впереди была низина, леса которой манили прохладной зеленью, однако лес для Фундинул а означал лишь одно – нападение ехавших за ним грабителей.

– Давай, Шустрик! Скорее! – покрикивал гном, прикидывая, успеют ли они с мулом спрятаться в лесу.

Придорожные заросли были сырыми и местами заболоченными, а значит, оставалась опасность встречи с озерными людьми, однако с ними Фундинул уже научился договариваться, а вот с грабителями...

18

Когда гном спустился в низину, преследовавшие его всадники понеслись во весь опор. Копыта их лошадей выбивали частую дробь, и Фундинул принялся считать лошадей на слух: одна... две... три... да что же их так много! Семь! Кто же так жаждет его гибели?

– Вперед. Шустрик! Мы должны оторваться! – закричал гном, поддавая мулу каблуками, однако на Шустрика это не произвело никакого впечатления. Он бежал с постоянной скоростью, потому что быстрее не умел.

Топот лошадей приближался. Строевые мардиганцы казались теперь Фундинулу настоящими великанами среди лошадей. Гном дергал повод, стараясь увести

мула вправо, чтобы укрыться в зарослях, но Шустрик, казалось, ничего не понимал и упрямо молотил копытами по дороге, не желая выбегать на траву.

– Они нас убьют, дурная скотина! Убьют! – кричал гном, дергая поводья. – Сворачивай, скотина! Сворачивай!

Фундинул понимал, что схватки вроде той, что он вел в узких коридорах своей мастерской, уже не будет. Здесь, на просторе, его просто пригвоздят к дереву стрелой – у этих солдат были с собой луки. Они пристрелят несчастного гнома, как дикого зверька, да еще посмеются и попинают его маленькое тельце.

– И заберут мое серебро... – почти прорыдал Фундинул. Как и любой гном, он был немного жадноват.

Вокруг росла сочная трава и луговые цветы, порхали бабочки и прыгали кузнечики. В таких местах так приятно отдыхать, но как же тяжело умирать среди этой красоты!

– Направо, Шустрик! Направо! – кричал гном, но, видимо, мулу передался страх хозяина, и он продолжал мчаться по прямой.

В какой-то момент он все же принял правее, и в тот же миг над ухом Фундинула пропела стрела. Вне себя от страха гном заорал и стал бить Шустрика кулаками.

Это подействовало, мул выполнил правый поворот и на полном скаку врубился в чащу. Замелькали листья, ветки. На смену радости, что мул наконец-то забрался в лес, к Фундинулу пришел страх, что он не удержится в седле.

Мул старался изо всех сил, однако оторваться от погони никак не удавалось, тяжелые мардиганские кони пробивали заросли словно тараны и даже ломали небольшие деревья.

Враги были слева и справа, они обходили Фундинула и перекликались, словно охотники за лисицей.

«Пристрелят как зверя», – подумал Фундинул и еще крепче вцепился в гриву Шустрика, который все еще держал высокий темп.

«Они пристрелят меня на открытом месте, – сказал себе гном. – Там, где начнется кустарник! Ждать нельзя! Нельзя больше ждать!»

Сорвав с топора чехол, он оттолкнулся от мула и полетел в густые заросли. Ударился о землю, затем вскочил и, держа топор наперевес, прислушался.

Преследователи какое-то время еще мчались за мулом, но, поняв, что всадника нет, стали возвращаться. Бежать было поздно, и Фундинул затаился.

– Где-то здесь засел, собака!

– Вахмистр, можно я возьму себе его голову?

– Можно, только сначала найди его.

– Найду, он где-то здесь затаился, звереныш. «Пристрелят как зверя», – снова подумал гном.

– Я ведь собираю головы всяких уродов, вахмистр, вы же знаете. Вот отрежу его голову и тоже засушу.

– Заткнись, – грубо оборвал его властный голос. – Ты его сначала найди!

Лошади гвардейцев прошли рядом с кустом, в котором прятался Фундинул. Они храпели и сыпали «конские яблоки».

«Как жить-то хочется!» – думал Фундинул. Теперь он уже не был тем героем, что дрался с разбойниками в собственной мастерской, теперь он был маленьким перепуганным гномом. Как, должно быть, больно, когда в тебя вонзается стрела! Как, должно быть, больно!

Гном вспомнил, с каким хладнокровием стрелял из лука эльф Аркуэнон. Он никогда не смотрел, куда именно вонзилась его стрела, он знал, что попал, и знал, куда именно. Да и его милость господин Фрай в стрельбе тоже не отставал, укладывал стрелы с такой точностью, что все просто ахали.

«О чем я думаю в свой последний час! Глупый я гном!» – ругал себя Фундинул, все крепче сжимая рукоятку топора.

Не раз и не два гвардейцы проезжали совсем рядом, и Фундинул уже разобрался, что это те самые люди, что состояли в разъезде. Прежде он считал их своими союзниками, но теперь выходило, что они явились его убить. Но за что? Не иначе это какое-то недоразумение, однако времени для выяснений не было. Появись он перед ними – сейчас же получит стрелу.

– Вот он, шельма! – воскликнул один из гвардейцев и выхватил длинный узкий меч. Затем спешил к Фундинулу.

– Сейчас я тебя подколю, по-ро-се-но-чек! – произнес он нехорошим голосом и сделал резкий выпад. Фундинул парировал удар и перебежал к другому кусту.

– Вижу-вижу! – закричал тот, что хотел получить голову гнома. Теперь уже все гвардейцы соскочили со своих мардиганцев и, обнажив клинки, стали брать Фундинул а в кольцо.

«Ну, теперь точно все», – сказал себе гном, и ему стало уже не так страшно – чего бояться, если все решено.

Подначивая друг друга, гвардейцы стали наносить несильные удары, чтобы растянуть удовольствие. Гном отбивался как мог, и его действия вызывали у охотников взрывы хохота. Впрочем, по мере того, как Фундинул уходил от ударов и уверенно оборонялся, праздное настроение гвардейцев ушло, и они стали рубить всерьез.

Звенела сталь, летели искры, войдя в раж, гвардейцы мешали друг другу, и это продлевало Фундинулу жизнь.

– Только не по голове! – упрашивал любитель трофеев. – Мне его башка целой нужна, я ее засушу!

У гвардейских мечей были длинные тонкие клинки, и Фундинул знал, как по ним бить, чтобы «сушить» противнику руку, однако свое умение он мог применить против одного, максимум двух противников, а тут было целых семеро!

Фундинул чувствовал, что, отбиваясь в таком бешеном темпе, начинает уставать. Пот катился по его лицу, руки начинали дрожать, и он уже не успевал за всеми клинками, которые становились все быстрее.

Вот один полоснул по левому плечу, заставив гнома отпрыгнуть назад.

– Не понравилось?! – закричал тот, что первым обнаружил Фундинула в кустах. – Покажи нам свою кровь! Говорят, она у вас зеленая!

Эта грубая шутка вызвала смех, и гвардейцы усилили натиск. Фундинул получил еще два легких ранения – в левый бок и чуть ниже колена. Ярость и отчаяние заполнили его, терять было уже нечего, и он решил прихватить с собой хотя бы одного врага.

Фундинул закричал, как раненый зверь, и уже собрался броситься в последнюю в своей жизни атаку, когда неожиданно с левого фланга подоспела помощь. Невидимый из-за кустов союзник с ревом вломился в ряды гвардейцев, размахивая тяжелым двуручным мечом.

Охнув, свалился первый раненый, остальные, удивленные внезапным натиском, стали отступать.

Еще один попал под удар, и у него переломился меч, следующий удар пришелся в кирасу, тупой клинок не прорубил сталь, а лишь оставил вмятину, однако гвардейцу это не помогло.

Фундинул атаковал со своей стороны, действуя топором словно пикой. Проткнув бедро любителю трофеев, он вторым рубящим ударом разнес его наплечник и добавил рукоятью топора в лицо. Вместе с тем основное внимание гвардейцев было приковано к новому противнику, который вращал двуручным мечом, словно мельница крыльями, да еще поддавал ногой тем, кто был недостаточно проворен.

Зажатые между двумя сильными противниками, гвардейцы стали нести потери. Фундинул уже без особых изысков рубил тяжелыми косыми ударами, выбивая мечи и рассекая кирасы, с каждой его атакой на траву лилась кровь, а сил у гнома как будто прибавлялось. Замахнувшись для очередного удара, он вдруг обнаружил, что врагов больше не осталось, кроме двух, что стояли на коленях

между ним и его союзником, слезно умоляя пощадить их.

- Углюк, это ты? - удивленно воскликнул Фундинул.

- О, шустрый гном! - в свою очередь поразился орк. - Что ты здесь делаешь, пародия на человеческого ребенка?

- А ты, зеленый варвар, бочка пивная, что ты здесь делаешь? Как всегда голый и оборванный.

- На себя посмотри, - усмехнулся орк и, сдвинув на лоб шлем, почесал затылок. Затем прикрикнул на уцелевших гвардейцев, чтобы замолчали.

Фундинул посмотрел на себя и вынужден был согласиться, что выглядит худо, в изорванных штанах, драной куртке и в посеченном саблями уйгунов кожаном фартуке.

- Это я в бою пострадал, - пояснил Фундинул, стараясь не показать, что рад встрече с Углуком.

- Тоже мне, сказал, - усмехнулся орк. - У меня вся жизнь сплошная битва.

Он вздохнул и оперся на свой позеленевший меч.

- Что с этими будем делать? - спросил он, кивнув на пленных.

- Не знаю, - пожал плечами Фундинул и осторожно дотронулся до раненого предплечья. - Хочешь, сруби им головы...

- Для меня это давно уже не развлечение.

- Эй вы, кто вас отправил за мной? - спросил Фундинул, задирая штанину и осматривая рану на ноге.

- Его сиятельство приказал убить тебя! - с готовностью сообщил один из гвардейцев.

– Вот те на! – поразился гном и даже позабыл про свои раны. – За что же меня убивать?

– Нам про то неведомо, мы люди служивые, подневольные. Скажут – бей, мы и бьем.

– Но я был честен с его сиятельством и ни в чем перед ним не провинился. Он ведь даже накормить меня велел и денег предлагал, – недоумевал Фундинул.

– Да я сам это слышал, – подтвердил второй пленный гвардеец. – Только потом он приказал тебя убить. На всякий случай, чтобы ты про Бертрана не болтал...

– Это ты про какого Бертрана говоришь, про нашего? – спросил Углук, все еще почесывая затылок.

– Про вашего или нет, господин орк, я не знаю. Но его сиятельство имел в виду своего сына Бертрана, которого они изволили выгнать года полтора тому назад.

– Ага! Так ты, шустрый гном, уже и в графские дрязги влезть успел?

– Ну вот еще! Просто был в гостях у графа и вспомнил про Бертрана, ведь он тоже носит имя фон Марингер. Видать, его сиятельству это не понравилось.

– Конечно, не понравилось, вот он и послал тебя заколоть, как свинью. – Орк сорвал лопух и стал вытирать им меч. – Только я бы не посылал семерых гвардейцев, чтобы прихлопнуть какого-то гнома. Достаточно было конюха с колотушкой для собак.

Сказав это, орк рассмеялся.

Фундинул ничего не ответил, молча собирая подорожник, чтобы приложить к ранам.

Углук посмотрел на пленных:

– Ну ладно, довольно трепаться, разбойники. Скажите лучше, есть у вас с собой жратва?

- Никак нет, господин орк. Мы налегке выехали!

- Налегке выехали, - передразнил их орк и, придирчиво осмотрев меч, сорвал еще один лопух. - Как же можно в погоню за гномом без доброй жратвы отправляться - я просто не понимаю.

- Разрешите доложить, господин орк, у вахмистра в подсумке бутылка вина была.

- Вино? - Орк вздохнул и почесал пустое брюхо. - Ладно, ловите вахмистрова скакуна и несите сюда вино, тогда я вас отпущу. Можете даже вон того забрать... - Угрук указал на тяжело дышавшего раненого. - Брюхо у него пропорото, но рана чистая, может, еще выживет.

Не заставляя себя упрашивать, гвардейцы тотчас вскочили и понеслись в кусты ловить мардиганцев. Впрочем, привыкшие к атакам боевые копи никуда не убежали и стояли неподалеку. Вскоре Угруку преподнесли ту самую бутылку вина, а также привели пятерых мардиганцев.

- Ладно, езжайте себе, - махнул рукой орк, и освобожденные пленные, вскочив в седла, поскакали сквозь чащу, позабыв про раненого товарища.

Угрук придирчиво осмотрел бутылку, но пить из нее не стал и сунул за пояс, затем стал деловито обшаривать трупы.

Разжившись серебром и золотым дукатом, он подмигнул наблюдавшему за ним гному, затем собрал весь жевательный табак. Сам Угрук его не использовал, но табак годился для продажи.

- Нехорошо это - мертвых грабить, - сказал Фундинул, закончив перевязку своих ран.

- Нехорошо, если все это в лесу пропадет или бродягам достанется, - возразил орк, равнодушно перешагивая через умирающего гвардейца. - Жаль, среди них никого покрупнее нет, мундирчики больно хорошие чистая шерсть.

Трофейное оружие орка тоже не прельщало, двуручный меч был для него привычнее.

Между тем мучения раненого гвардейца прекратились, он захрипел и вытянулся.

– Ишь ты, помер, – прокомментировал Углук. – Ладно, пойдём отсюда, не люблю я среди мертвецов находиться. Хватай мардиганцев, и пошли.

– Мардиганцев ты сам хватай, а я пойду Шустрика поищу. Это мула моего так зовут.

– А-а, ну давай ищи, только он, наверное, уже возле Ливена отдыхает. Стоит и гадит под каким-нибудь деревом.

Орк сунул под мышку меч и стал связывать поводья трофейных коней, которых можно было с выгодой продать в первом же придорожном селении.

– Мой Шустрик под деревьями не гадит, – возразил гном и пошел на поиски своего скакуна. – Шустрик! Шустрик! – кричал он и вскоре нашел мула, тот стоял под раскидистым деревом и гадил.

Когда Шустрик и Фундинул появились перед орком, он громко захохотал и похлопал своей лапицей по морде мула, отчего тот шарахнулся в сторону, едва не вырвав поводья из рук Фундинула.

– Ну-ну, ушастая собака, не такой уж я страшный! – сказал орк. – Идите за мной, приятели, я приведу вас на место своей стоянки.

С этими словами орк углубился в чащу, волоча за собой пятерых лошадей.

Ярдов через двести они вышли на небольшую полянку, где стоял привязанный к дереву еще один мардиганец.

– О! – поразился гном. – А это откуда?

– Оттуда, – загадочно улыбнулся орк и принялся привязывать трофейных лошадей. Не найдя достаточного количества крепких веток, он спутал поводья между собой.

– Ты думаешь, только у гномов имущество есть? Не-э-эт, у меня тоже.

– Это не похоже на твое имущество, – сказал Фундинул, тыча пальцем в клеймо на крупе мардиганца.

– Ну, правильно, – согласился орк: – Боевой трофей. Одно седло дукатов на триста потянет.

– Потянет... – вынужден был согласиться Фундинул. Седло и вправду было очень дорогое. Одна чеканка по серебру чего стоила, в этом гном разбирался лучше других.

– Слушай, а может, у тебя чего пожрать заваялось? – спросил Углук, заметив болтавшиеся на седле мула мешки.

– Тебе повезло, зеленое чудовище, – усмехнулся гном. – Кое-чем я тебя угощу.

Он достал из котомки хлеб и круг козьего сыра, при виде которого у орка громко заурчало в животе.

– Вот спасибо, друг ты мой боевой! – воскликнул он и, выхватив харчи из рук гнома, принялся их торопливо поедать, громко сопя и чавкая. Не прошло и минуты, как весь продуктовый запас оказался в брюхе орка. Впрочем, Фундинул не возражал, после боя ему совсем не хотелось есть, к тому же, как ни крути, этот зеленый варвар спас его.

– Так где ты коня украл? – напомнил Фундинул, упряжь и клеймо на мардиганце показались ему знакомыми.

– Я его у разбойников отбил. У графа де Гиссара.

– Вот тебе раз! Где же ты видел этого де Гиссара?

- В Коттоне, где же еще? – Орк пожал плечами и стал облизывать пальцы.
- В Коттоне? А ты там жил, что ли?
- Можно и так сказать. По адресу главная площадь, городская тюрьма.
- Ты и в тюрьме побывал?
- Что значит побывал? Я отсидел там долгих три недели, а жратвы мне давали столько, что и муху не прокормить.
- А за что же тебе тюрьму присудили?
- За долги. – Орк вывернул котомку, где лежал хлеб, и подобрал все до последней крошки. – Слушай, гном, а у тебя больше ничего не завалялось?
- Нет, не завалялось. Только вода осталась.
- Жаль, а то я тут на одних орехах держался. А коник мой на траве, а ему бы овсу надо, он ведь вон какой большой.
- Мой Шустрик с ним поделится. У нас две меры овса.
- Вот это дело, – обрадовался орк. – А вы, – обратился он к новеньким трофеям, – пока посидите на травке и листочках, поскольку еще недавно графский овес жрали.
- Ну так что там про коня, варвар? – нетерпеливо спросил Фундинул.
- Не называй меня варваром, гном, я ведь спас тебе жизнь.
- А ты что же, издалека увидел доброго друга и решил спасти ему жизнь? – ехидно спросил гном.
- Ну... – Орк вздохнул. – На самом деле, конечно, не так все было. Тебя я не видел, а в драку полез, чтоб какой-то жратвы отвоевать. Слышу, кого-то бьют, я

и пошел на звон клинков. Думал, одного-другого повалю, а потом соберу трофеи.

- Ладно, будем считать, что ты меня спас, воюя за жратву. Давай котомку, я в нее для твоего мардиганца овса отсыплю. Как ты его назвал?

- Сапфиром. Правда, он - кобыла, но уж больно слово красивое.

Поделив овес, орк и гном покормили своих скакунов. Угрук вдруг улыбнулся и сказал:

- Эх, гном, хорошо, что я спас тебе жизнь.

- Спасибо, а теперь расскажи, за какие долги тебя в тюрьму посадили?

- Я в кабаке расплатиться не смог.

- Вот, так я и знал! Прогулял, значит, все деньги?

- А вот и не прогулял! То есть прогулял., конечно, только не все. А в кабаке такое дело приключилось - сели в кости играть да выпили вина, а мне эти жулики чего-то в бокал подсыпали, я и упал. Когда очнулся, кабатчик уже с двумя стражниками стоит и говорит - извольте расплатиться. Я - по карманам, а там только крошки от сухарей.

- И много украли?

- Дукатов триста... - Угрук вздохнул. - Если я этих жуликов еще встречу... Они и кабатчика в расход ввели.

- Да какой же расход, кабатчик-то с ними в доле был! - воскликнул Фундинул.

- Это почему же?

- Да потому, что ты еще не проснулся, а он уже знал, что у тебя в карманах пусто, - стражников привел. Тебя в тюрьму упрятали, а жулики тем временем подальше убрались.

– Эй, а ведь и правда! – Орк хлопнул себя по лбу, да так сильно, что кони вздрогнули. – А я, дурак, кабатчику клялся, что, как выйду из тюрьмы, так сразу денег найду, чтобы, значит, расплатиться! Ой, дурак! Ну, вернусь в Коттон, я и его прихлопну! Как крысу!

– Ладно, хватит про них, небось им теперь там не сладко. Как ты с де Гиссаром встретился?

– С де Гиссаром? А очень просто. Сажу я в сырой яме, слышу шум да крики. А потом стали, значит, ямы открывать – одну, другую, третью. Так и до моей дошли. Свесились две какие-то морды, ты кто, говорят, я говорю – честный орк, Углуком зовут. Они засмеялись и требуют – выходи давай. Я думал – все, прощение мне вышло, а оказалось, город разбойники захватили, а меня ведут на беседу с этим де Гиссаром.

– Да ты что? И какой он, этот главный разбойник? Наверное, сабля при нем вся в крови, правильно?

– Неправильно. Охрана при нем да – глаза у уйгунов, как у волков, – крови требуют.

– А что потом?

– Потом де Гиссар стал меня расспрашивать, кто я да откуда.

– А ты чего?

– А я... – Углюк снова сдвинул шлем и поскреб затылок заскорузлыми ногтями. – А я, Фундинул, честно говоря, много лишнего ему рассказал. Только потом понял, как хитро он из меня все вытянул, и про его милость господина Фрая, и про Бертрана, и про тебя много чего рассказал.

– Про меня? – удивился гном.

– Да, про тебя он особенно интересовался и про топор твой тоже. Ты, видать, дал им его отведать?

- Дал, - усмехнулся гном. - Я имущество свое спасал, да только ничего не вышло.

- Надо же, небось не ожидали они получить от какого-то часовщика!

- Я не часовщик, я серебряных дел мастер.

- Да какая разница - для меня все гномы часовщики, - махнул рукой Углук.

- Ну а как у тебя с конем вышло?

- Да нагрубил я разбойнику, он меня в солдаты позвал, пойдём, говорит, служить ко мне, а я отказался. Сказал - грабить женщин не умею. Он обозлился и приказал бежать до угла, чтобы меня гельфиг подстрелил.

- Ну а ты?

- Гельфигу я шею свернул, потом шатер подсек, прыгнул на мардиганца да и был таков.

- И что же - они за тобой не погнались?

- Погнались, конечно, - усмехнулся Углук, - только вернулись потом не все.

- Ух... - восхищенно выдохнул гном. - Ты хороший боец, Углук.

- Ничего, ты тоже не подарок. Они рассмеялись. Лошади вздрогнули и, беспокойно перебирая ногами, стали пятиться к дороге.

- Ты слышишь? - спросил Фундинул.

- Нет.

- Я тоже, но лошади кого-то почуяли... Может, это раненые? Может, оклемался кто?

- А ну, пойдём посмотрим, - произнес Углук, хватаясь за меч.

Фундинул последовал за ним, держа топор наготове.

Несмотря на свою значительную комплекцию, Угрук двигался по лесу довольно ловко, сказывался многолетний опыт наемника.

Вот он остановился и поднял руку. Фундинул замер, слыша, как стучит его сердце. Немного побаливала рана на предплечье, однако подорожник уже почти затянул ее и работать топором она не мешала.

Вдруг совсем рядом послышались стоны, переходящие в хриплое бульканье. Чьи-то шаги прошуршали по прошлогодней листве, и снова тишина. Гном почувствовал, как у него пропадает желание идти и смотреть, кто там шумит. Что за охота связываться с мертвецами, которых пробудили темные духи?

Только он собирался сказать об этом Углуку, как тот снова пошел вперед – туда, откуда доносились эти жуткие звуки.

Вскоре они вышли к поляне, и неожиданно орк встал, будто натолкнулся на стену.

– Ты чего? – шепотом спросил Фундинул, однако Угрук будто язык проглотил. Он лишь молча посторонился, чтобы гном смог все увидеть сам.

Это были озерные люди, особей двадцать, они волокли трупы гвардейцев. На суше поступь сплетенных из водорослей и ила чудовищ была шаткой и неуверенной, однако они упрямо тащили свою добычу.

Один из монстров нес отделенную от тела голову, почувствовав на себе взгляд, он остановился и, неуклюже повернувшись, уставился пустыми глазницами на орка и гнома.

Угрук попятился, выставив перед собой меч, словно забыл, что от озерных людей оружие не спасает. Правда, было еще имя Каспара Фрая, однако чудовище смотрело с такой лютостью, что Угрук уже не был уверен, сработает ли имя его милости на этот раз.

Впрочем, произносить имя Каспара Фрая не пришлось. Постояв еще немного, озерный человек дернулся и продолжил путь вслед ушедшим вперед сородичам.

– Тебе не кажется, что мы в этом лесу порядком задержались? – спросил Фундинул.

– Кажется, – с готовностью согласился орк, и они, не сговариваясь, почти бегом отправились к месту стоянки.

С лошадьми было все в порядке, как видно, никто из озерных людей сюда не забирался. Спустя еще несколько минут Фундинул и Углук уже сидели верхом и понукали своих скакунов по южной дороге. Трофейные мардиганцы, привязанные цугом, трусили за лошадью орка.

Около получаса они ехали молча, потом Фундинул спросил:

– Слушай, а с чего это озерный народ стал интересоваться мертвецами, ведь прежде они живых людей утаскивали?

– Наверное, потому что недобрые времена наступают.

– Ладно тебе каркать, – махнул рукой Фундинул. – И так страшно. Скажи лучше, куда мы теперь едем?

– Понятно куда – в город Ливен, к его милости Каспару Фраю. А у тебя что, другой план был?

– Нет, другого плана не было.

На строительстве укреплений вокруг лагеря солдаты де Гиссара работали на совесть, поскольку у герцогского бюварда, графа Эверхарда фон Марингера была репутация победителя. Он считался удачливым полководцем, хорошо

воевавшим в открытом бою и преуспевавшим в так называемой подлой войне, под которой подразумевались ночные нападения, засады, отравление источников и атака обозов.

Именно поэтому де Гиссар приказал усилить посты до пяти человек в каждом, при этом все часовые считались одной сменой и не должны были спать.

Как только стемнело, разведчики ушли вперед, оставив лошадей и надеясь только на свои ноги. До полуночи все было спокойно, лазутчики не подавали сигналов тревоги, и де Гиссар начал успокаиваться, однако вскоре послышался звон мечей – отряды обеих сторон сошлись в ночном бою.

– Хотел бы я знать, что там происходит, – сказал граф.

– В любом случае хотя бы один из трех отрядов уцелеет, – уверенно заявил Мюрат. – Однако нелишним будет послать еще полсотни.

– Посылай, это ведь фон Марингеры, а от них можно ожидать чего угодно.

Едва стихли звуки битвы прямо по фронту, звон оружия стал раздаваться где-то позади лагеря, а спустя мгновение в ночи полыхнуло пламя.

– Это обоз! – воскликнул Мюрат и, сорвавшись с места, помчался в направлении разгоравшегося пламени. Не удержавшись, де Гиссар побежал за тысячником. Мысль о том, что его оставят без обоза, подгоняла графа. Быстро преодолев пару сотен ярдов, они вступили в бой.

Как оказалось, подожжены были пять из пятидесяти возов, и вражеский отряд наседали на охрану, чтобы сжечь остальное. Появление графа придало уйгунам сил, и, подбадривая себя криками, они бросились в атаку.

Противник начал отступать, охранников обоза было вдвое больше. Лазутчики рассчитывали на внезапность, и поначалу расчет оправдался, однако появление де Гиссара, спутало их карты.

Граф дрался с каким-то не слишком искусным в фехтовании, но очень сильным молодцом, который компенсировал недостаток техники скоростью и силой.

Дважды де Гиссару приходилось отступать, чтобы не получить верный удар в голову, однако он все же подловил противника на ошибке и разрубил ему правую ключицу.

Обливаясь кровью, тот свалился неподалеку от горящей телеги, но на его лице была торжествующая улыбка.

Замахнувшись для последнего удара, граф опустил меч. Он понял, что, убив противника, лишь сделает то, чего тот желает и к чему уже готов. Остальные лазутчики отступили, и раненный графом боец оказался единственным пленником.

- Ну что же ты! Добей меня:

- Не спеши, - ответил граф. - Я окажу тебе эту услугу, если ты ответишь на мой вопрос.

На лице раненого появилась презрительная улыбка, и де Гиссар понимал, откуда она. Сейчас пленник был необычайно силен духом, его можно было жечь, резать по живому - он все равно ничего бы не сказал. Оставить его до утра не было никакой возможности - он истечет кровью и унесет в могилу свои секреты.

Раненый и сам понимал это, оттого и чувствовал себя непобедимым.

- Я не прошу от тебя измены, это было бы смешно, - сказал де Гиссар, вкладывая меч в ножны. - Ответь мне на простой вопрос: граф Эверхард в замке?

- Да, его сиятельство в замке.

- И последний вопрос - я полагаю, в замке не больше восьми сотен. Правильно?

- Ты близок к истине, но это тебе не поможет... А теперь убей меня - ты обещал.

- Да, я обещал, - кивнул граф и повернулся к стоявшему рядом уйгуну: - Эй ты, убей его быстро!

Солдат вынул из ножен кривой меч и одним ударом рассек тело лазутчика пополам. Несколько капель крови попали де Гиссару на руку, он достал платок и стер кровь, затем вместе с Мюратом отправился в лагерь.

20

Под утро посланные в разведку уйгуны вернулись, притащив двух своих раненых и оставив в поле восьмерых погибших. Как и предполагал де Гиссар, ночной бой завязался между двумя разведотрядами.

После рассказа об этой схватке уйгуны сделали подробный доклад о том, что удалось разведать.

Как и следовало ожидать, замок к осаде был подготовлен. За пару дней, что были у фон Марингеров, их люди успели подновить ров и накачать туда воды.

Упрятанные под землей контрподкопы обнаружить не удалось, впрочем, ночью сделать это было нелегко, хотя уйгуны хорошо видели в темноте.

Удалось услышать, как на тридцатифутовой стене перекликались часовые, а по деревянным лестницам носильщики непрерывно поднимали на верхние ярусы арбалетные болты, стрелы и камни. Судя по тому, что над стенами вздымались мачты метательных орудий, к ним тоже подносили ядра.

Еще, по словам уйгунов, возле замка сильно пахло горелым железом, а это означало, что за крепостной стеной непрерывно работали кузницы, производя оружие.

Расспросив разведчиков, де Гиссар отпустил их, ему еще предстояло подумать, какую тактику избрать для штурма замка.

Помимо метательных орудий – баллист, в крепости имелись и огромные, до десяти футов в длину, арбалеты. Из такого оружия хорошо стрелял средний сын Эверхарда фон Марингера – Густав, говорили, будто в этом искусстве ему нет равных.

Графу несложно было подсчитать, что со стены в тридцать футов арбалет-гигант посылает трехфунтовый каленый болт на полмили, а с расстояния в триста ярдов хороший стрелок может сшибить отдельного всадника. Следовало подумать о безопасности, но на этот случай де Гиссар придумал нарядить в свое платье одного из наемников, а самому одеться поскромнее. Если ряженого солдата собьют, значит, рассказы об искусстве Густава фон Марингера не выдумки.

С первыми лучами солнца на лагерь де Гиссара неожиданно посыпались стрелы.

Стреляли с соседнего холма, до которого было ярдов двести. Мюрат тотчас организовал конную атаку, но лучники противника быстро отступили – когда уйгуны достигли вершины холма, стрелки уже подбегали к открытым воротам замка. Можно было не сомневаться, что это западня, и де Гиссар опасался, что старшина уйгунов Кнойр поведет своих солдат в атаку, прямо под стрелы и камни баллист, однако тому хватило выдержки и воинской мудрости. Уйгуны проводили отступивших лучников взглядами и вернулись в лагерь.

«Браво!» – мысленно произнес де Гиссар. Ему понравилось, как действовали его солдаты, к тому же это были уйгуны, которые славились своей бесшабашностью.

Вскоре после этого инцидента де Гиссар отправился в обоз, чтобы посмотреть материал, годный для изготовления штурмовых лестниц. Он нашел достаточно подходящих досок, однако, еще раз оценив крутые стены замка, пришел к выводу, что никакие лестницы здесь не помогут – меж крепостных зубцов имелись углубления для установки «колес», приспособлений, которые, вращаясь, разбивали лестницы прикрепленными к ним тяжелыми цепями.

Оставался еще метод уступов, когда осаждавшие продвигались к стенам, сооружая что-то вроде небольших крепостей, при этом сами строители находились в относительной безопасности.

На заключительном этапе в уступах прятались стрелки, которые устраивали осажденным тяжелую жизнь – при талантах гельфигов сделать это было несложно. Ну а потом под их прикрытием на штурм шли уйгуны с троекрючными кошками. Каленые жала надежно вгрызались в камень и позволяли штурмующим подниматься по узловатым кожаным канатам.

Противодействовать такой массированной атаке было сложно, поскольку вместо десятков лестниц осажденным приходилось иметь дело с сотнями крюков. К тому же сдернуть их, не высовываясь из-за каменного зубца, было невозможно, а это почти всегда означало погибнуть от стрелы гельфига.

Думал де Гиссар и о том, можно ли здесь применить натянутые полотна, однако защитники замка были достаточно искусны в военном ремесле и могли поджечь их, к тому же забросить, пусть даже самого легкого, уйгуна на высоту в тридцать футов не представлялось возможным.

21

Перекусив тем, что было, войско безо всякой спешки стало выстраиваться в полки, а затем пешим строем двинулось вперед.

Лошадей гнали следом, опасаясь оставлять их далеко от войска. Здесь была чужая территория, и пока противник лучше пользовался особенностями ландшафта.

В передних рядах одного из полков Мюрата шагал де Гиссар. Армия охватывала крепость с запада, а с востока ее закрывали три сотни конных уйгунов, на тот случай, если противник попытается отослать курьера или сбежать через западные ворота.

Четыреста ярдов. Мачты баллист на стенах под действием воротков пришли в движение. У де Гиссара был верный глаз, и он уловил это едва заметное движение.

Триста пятьдесят ярдов. Между крепостными зубцами забегали солдаты, впрочем, это не было похоже на панику. Им отдали приказ, и они его выполняли.

Над замком поднимались четыре струйки серо-лилового дыма, это работали кузницы. Сквозь острый аромат лошадиного пота и кожаной упряжи де Гиссар отчетливо различал запах «жженого железа», как выражались уйгуны-разведчики.

Слева от графа, через пять человек, шел рослый наемник по имени Кейло, де Гиссар нарядил его в красный парадный камзол, поверх которого красовались посеребренные доспехи. На голове Кейло – шляпа с пером, которую было жаль. Совсем новая, а другой взять неоткуда. Мастера, который их шил, де Гиссар сгоряча приказал повесить, теперь он сожалел об этом.

Чтобы не выделяться из шеренги, сам граф оделся попроще, а охотничью шляпу сменил на боевую кожаную рихту со стальной подкладкой.

Зычным голосом Мюрат приказал приготовить щиты, и эту команду повторили другие тысячники. Существовала опасность, что и здесь войско де Гиссара встретят дождем каленых наконечников, поэтому следовало быть настороже.

Баллисты полностью зарядились. Триста ярдов, хорошая дистанция для их броска, однако защитники медлили, и де Гиссар понимал почему – они не собирались демонстрировать свои возможности, намереваясь использовать их в более выгодной ситуации. Ведь и граф вел войско под стены, чтобы спровоцировать защитников замка, а вовсе не для того, чтобы начать штурм.

На солнце сверкнула быстрая молния, и точно посланный болт с треском прорубил посеребренную кирасу Кейло. Пройдя его насквозь, трехфунтовая железка прошила еще двух уйгунов и застряла в третьем.

– Щиты поднять! – с запозданием крикнул Мюрат. Затем, что-то почувствовав, прыгнул в сторону и тем избежал верной смерти. Арбалетный болт вспорол землю и ушел на глубину.

– Командуй отход! – вмешался де Гиссар.

– Отход! – повторил Мюрат, и солдаты, прикрывшись щитами, начали быстро пятиться.

Еще полдюжины болтов ударили по рядам, прошивая защиту и тела нескольких солдат сразу. И хотя этот —обстрел не мог нанести армии серьезного урона, действие столь мощного оружия произвело на полки неизгладимое впечатление.

Войска пятились до самых холмов и остановились на пологих склонах в полутора милях от замка.

Вперед были посланы санитарные команды – привезти легкораненых и добить тех, кто уже не мог принести пользы. Затем следовало убрать трупы, хотя это было и не в обычаях армии разбойников. Чаще всего они бросали тела, предварительно их ограбив, однако теперь им предстояло стоять на месте не один день и приходилось заботиться о чистоте.

Скрипя колесами, подъехали обозные телеги, с них стали сгружать скрученные полотна шатров. Ставить их на склонах было не слишком удобно, однако видимый издали лагерь демонстрировал противнику многочисленность осаждающей армии.

У де Гиссара имелось в запасе еще пятьдесят шатров, которые можно было тоже поставить – пусть себе пустуют, зато лагерь будет казаться больше, однако делать этого граф не стал. Он был уверен, что на герцога подобные фокусы не подействуют.

Ставить лагерь солдатам де Гиссара было не впервой, и он в это почти не вмешивался. Работа шла своим чередом, на флангах росли земляные укрепления. Солдаты взрыхляли землю широкими окопными ножами и таскали на щитах.

В другом случае можно было обойтись без укреплений, но только не теперь, когда де Гиссару противостоял искушенный в военном деле фон Марингер. Чтобы уберечь себя от ночных неприятностей, граф выделил для прикрытия лагеря целый полк уйгунов. Разделившись надвое, он стал на флангах, приготовившись атаковать противника, если гарнизон замка попытается выйти для ночной вылазки.

Еще две сотни уйгунов были отправлены на Морскую дорогу, чтобы поддерживать на ней порядок и не позволять лазутчикам графа фон Марингера совершать нападения на обозы. Снабжение армии производилось из хранилищ замка Оллим, где было вдоволь и продуктов и фуража.

Только-только миновал полдень, а в лагере уже всюду дымила походная кузня, где чинилось испорченное оружие и сбруя. Отменной организацией своего лагеря де Гиссар давал понять защитникам замка, что пришел за победой и готовится к ней умело и основательно.

После обеда, состоявшего из крупяной похлебки и вяленого мяса, солдаты без раскачки принялись за работу – стали собирать на склонах окрестных холмов камни. Те, что были полегче, несли на руках, большие волокли по земле, впрягаясь по трое-четверо в кожаные вожжи, которыми обвязывали валуны.

От сотен волокуш поднимались облака известковой пыли, и казалось, что на склонах холмов начался пожар. Камни складывали перед лагерем, и вскоре набралось достаточно материала, чтобы начать строить уступы.

Когда спустилась ночь, солдаты де Гиссара вернулись в лагерь, одни – чтобы отоспаться после тяжелого дня, другие – чтобы встать в караул. Боевой настрой защитников замка не обещал чужакам спокойного сна.

После полуночи начались беспокойства. Небольшие отряды фон Марингера выбрались из крепости по подземным галереям и атаковали правый фланг, где находилась половина полка уйгунов. Горстка диверсантов дружно навалилась на сонных солдат, и поначалу им удалось заколоть несколько лошадей и их хозяев, однако в итоге уйгуны окружили лазутчиков и вырезали до последнего человека.

Де Гиссар не стал сердиться за то, что не оставили пленных, поскольку даже выгнав с помощью пыток местонахождение лаза в подземную галерею, проникнуть по ней в замок было невозможно. Помимо основных ходов, в галереях были и ложные, которые обрушивались, едва только неосведомленные пытались по ним пройти. На памяти де Гиссара ни одна из таких попыток не увенчалась успехом, а обвалы погубили самых отчаянных.

Под утро атака на лагерь повторилась, и сделано это было коварнее и хитрее, чем в предыдущий раз. Несколько смертников пробрались на вершину холма, на склоне которого находилась большая часть лагеря, облили смолой несколько

круглых камней и пустили их вниз.

Камни с грохотом понеслись на лагерь, однако основной ущерб нанесли не людям, а лошадям. Перепуганные до смерти животные оборвали путы, расшвыряли охранявших их уйгунов и, сметая все на своем пути, бросились вниз – к замку.

Во время этой суматохи серьезно пострадали более ста солдат. Разбежавшихся лошадей пришлось собирать до самого утра, а потом закалывать тех, что покалечились.

Смертники на вершине холма были окружены и дрались отчаянно, а когда по приказу Мюрата гелфики подстрелили одного в ногу, раненый заколол себя кинжалом.

Бой закончился, когда уже начинало светать, и де Гиссар лично поднялся на холм, чтобы посмотреть на останки героев.

– Хорошие солдаты, – сказал он. – Никогда еще я не сталкивался с таким отчаянным сопротивлением.

– Наши солдаты не хуже, – ревниво заметил Мюрат.

– Не хуже, – согласился с ним граф. – Ничуть не хуже, поэтому мы их и сомнем.

– Сомнем, хозяин, в этом не сомневайтесь. Подтащим уступы и сомнем. Два дня – и замок будет наш.

Многих солдат армии де Гиссара утро застало за работой – они закапывали на меловых склонах тела своих товарищей.

Покалеченных лошадей пустили в дело, так что завтрак был сдобрен свежей кониной. После еды часть солдат продолжила строительство укреплений лагеря, другие пошли сменять часовых и охранявшие дорогу разъезды.

Команда из нескольких сотен рослых дезертиров и наемников была занята перетаскиванием камней для уступов. Начинать их строительство решили с

расстояния в пятьсот ярдов от крепостных стен.

– Пусть уступов будет пять, – сказал де Гиссар, глядя на вереницы носильщиков, тащивших к замку тяжелые валуны.

– Но, хозяин, пять уступов – это очень много. Нам не построить их быстрее, чем за четыре дня. Может, достаточно трех?

– Может, и трех, – со вздохом произнес де Гиссар. – Но ты посмотри, как хорошо защищен замок, все продумано до мелочей. Нет, нам нужен запас прочности на тот случай, если они выставят против нас какой-то особый козырь.

– Магию?

– Едва ли. Если здесь и чтут королевские законы, то лишь те, которые запрещают магические ордена. Посмотри на баллисты, они еще не вступали в дело. А почему?

– Хитрят, выжидают момент.

– Вот именно. Поэтому и нам нужно иметь запас. Делаем пять уступов – решено.

– Вам виднее, хозяин, – сказал Мюрат и пошел давать указания по строительству.

23

Скоро уступы начали понемногу расти. Пока они представляли собой направленные к замку углы высотой в три фута, с длиной сторон в два ярда. Для расстояния в пятьсот ярдов этого было достаточно, чтобы укрыться от пущенных баллистой дробленых камней, если, конечно, эти баллисты могли метать снаряды так далеко.

Под прикрытием первой линии уступов подносились новые камни, и скоро позади каждого из пяти сооружений громоздились кучи высотой в рост человека.

Когда необходимое количество строительного материала было собрано, солдаты наскоро подкрепились принесенной похлебкой и продолжили работу. Ленишься здесь не полагалось, устав в войске де Гиссара был достаточно строг, да и добыча в случае успешного штурма ожидалась немалая. Дезертиры и наемники бросали на неприступные стены замка алчные взгляды, где-то там, в глубоких подвалах скрывались богатства рода фон Марингеров.

– Шаги по пятьдесят ярдов! – объявил Мюрат и покосился в сторону де Гиссара, однако тот не сказал ни слова, что означало одобрение.

Команды строителей схватили камни и потрусили вперед, опасливо поглядывая на стены, не взовьются ли с них в небо черные точки каменных ядер. Впрочем, де Гиссар не сомневался, что сейчас продемонстрировать всю свою мощь фон Марингеры не станут, приберегут ее до того момента, когда можно будет ударить наверняка с дистанции ярдов в триста.

Время шло, уступы продвигались вперед, команды строителей вступали друг с другом в состязание. Позабыв про каменные ядра, они выбивались из сил, чтобы закончить очередной уступ первыми. Дело двигалось быстро, поскольку пока никто не мешал, но де Гиссар знал, что чем ближе к крепостным стенам, тем дороже будет оплачиваться каждый следующий ярд продвижения, каждый положенный в уступ камень.

Зато когда уступы подойдут к стенам и начнут разрастаться в самостоятельные крепости, это станет началом конца замка Марингер. Обычно они останавливались в сорока-пятидесяти ярдах от рва – там, где начиналась «мертвая зона» – метать камни под стены баллисты уже не могли. Зато лучникам и арбалетчикам было раздолье, однако тут преимущество оставалось на стороне де Гиссара, соревноваться с его гельфигами не мог никто.

К вечеру удалось достичь приблизительной отметки в триста пятьдесят ярдов. На этой дистанции уступы уже представляли собой углы шести футовой высоты, со сторонами в четыре ярда. В каждом из них, под защитой стен, были оставлены на ночь по двадцать солдат. Это было нелишней предосторожностью,

поскольку с наступлением темноты из подземных галерей появлялись отряды лазутчиков.

24

Как и две предыдущие ночи, эта также оказалась насыщена событиями. Отряды лазутчиков появились на склонах окрестных холмов вскоре после полуночи и принялись обстреливать из луков лошадей. Раненые животные попытались вырваться за пределы легкой изгороди, и охранявшим их солдатам пришлось приложить немало усилий, чтобы не повторилась недавняя трагедия, когда перепуганные лошади буквально смели треть лагеря.

Дело решили стоявшие на флангах уйгуны. Они атаковали быстро и решительно. Отряды лазутчиков частью успели отступить под землю, а частью были перебиты уйгунами, которые к тому же сумели отыскать два входа в галереи. Их пришлось засыпать, поскольку преследовать противника по этим коридорам было смертельно опасно.

Пока занимались засыпкой галерей, неожиданно закипела схватка возле левого крайнего выступа. Когда туда подоспели уйгуны, все двадцать охранявших уступ солдат оказались переколоты, а лазутчики успели уйти. Вход в галерею, через которую они отступили, найти не удалось.

Этой же ночью, ближе к утру, подошел обоз из замка Оллим. Из тридцати возов добрались лишь двадцать четыре, остальные были сожжены во время нападения отрядов фон Марингера. Впрочем, такие потери не беспокоили де Гиссара, поскольку он позаботился о том, чтобы все необходимое подвозили с избытком, так что в лагере накапливался небольшой запас.

Утром, едва строительные команды отправились к простоявшим ночь уступам, по ним ударили баллисты. Де Гиссар и Мюрат видели это собственными глазами, поскольку следили за выдвижением команд.

Тяжелые удары метательных мачт о суппорты разнеслись далеко по округе, куски дробленого камня взвились в небо и с сухим шелестом понеслись к целям.

Строителям стали кричать, предупреждая их об угрозе, однако те сами заметили опасность и прикрылись щитами. Дождь из острых осколков сбил нескольких человек с ног, заставив их потерять щиты. Трое больше не поднялись, остальные благополучно достигли уступов.

Отсидевшись, они принялись готовиться к переносу камней на следующие пятьдесят ярдов. Теперь, когда любой шаг давался с трудом, каждого носильщика прикрывал солдат с щитом.

Они оба валялись с ног, если в щит ударял булыжник, пущенный из трапеции – легкой катапульты, стрелявшей снарядами не тяжелее двух фунтов.

Как оказалось, таких орудий в замке насчитывалось не менее сорока, и теперь все они работали с западной стены, уверенно посылая камни на расстояние в триста ярдов.

Стрелять прицельно с такой дистанции трапеции не могли, однако своей методичностью и количеством выстрелов делали главное дело – держали солдат противника в постоянном напряжении. Особенно опасными были скачущие по земле булыжники, которые имели непонятную траекторию и могли запросто перебить ногу. Некоторые камни попадали в стены уступов и, разлетаясь вдребезги, угрожали окружающим острыми осколками.

Вскоре помимо мастеров, руководивших укладкой камней, в строительных командах появились вахмистры, которые размахивали плетками и орали на тех, кто, по их мнению, недостаточно проворно двигался. От летящих булыжников вахмистры прикрывались тяжелыми, в рост человека щитами, которые они с трудом переносили с места на место.

Вахмистры оказались хорошими ориентирами, и по ним время от времени стреляли из огромных арбалетов. Правда, без особых результатов, поскольку даже каленым болтам было не под силу пробить толстые щиты. Они лишь намертво в них застревали.

Иногда вахмистрам доставалось камнями из трапеций, и тогда они, оглушенные, валялись на землю вместе со щитами, а придя в себя, громко ругались.

Понемногу строительные команды приспособились к обстрелам из катапульти и научились выбирать наиболее безопасные моменты для подноса камней.

Закончив очередную линию уступов, они начали продвигаться на следующие пятьдесят ярдов, и тут снова сработала одна из баллист. Каменное ядро пролетело по красивой параболе и ухнуло о землю недалеко от центрального уступа – с перелетом в двадцать ярдов.

Вахмистр нервно расхохотался и приказал подобрать ядро, чтобы положить в основание следующего уступа. Однако веселость его была наигранной, он понимал, что это только пристрелка.

Через несколько минут ударили сразу три катапульти, траектории трех каменных ядер пересеклись на центральном уступе. Первое ядро упало левее, взметнув облако красноватой пыли, а второе и третье поразили цель – одно с отскока, а второе врезавшись точно в угол. Удар был такой силы, что помимо самого ядра раскололись несколько камней в стене, сверкнули искры, и разлетевшиеся осколки ранили пятерых строителей, одного даже из команды соседнего уступа.

Часть стены завалилась, придавив двух солдат. Поднялась суматоха – все бросились разбирать завал, чтобы поскорее перенести камни к следующему уступу.

За суетой никто не заметил, как ударила еще одна баллиста, посылая заряд дробленого камня. Взметнулись фонтаны пыли, и еще несколько камней нашли свои жертвы.

Оказавшийся свидетелем этого вахмистр бросил щит и начал размахивать плеткой, требуя продолжать работу, а когда попытался поднять щит, был настигнут пущенным из трапеции булыжником.

От удара он отлетел на несколько ярдов и больше не пошевелился. Ему на смену был послан другой, и строительство очередного уступа возобновилось.

Рабочие, словно муравьи, продолжали разбирать одни уступы и строить новые, делая это под непрерывающимся обстрелом из сорока катапульти, которые то вели рассеянный огонь по всем командам, то сосредотачивали свое внимание на одной.

Стоило только наблюдателям со стен замка заметить, что где-то рабочие сгруппировались, как по ним немедленно наносился хлесткий удар дробленным камнем. Каждый такой выстрел собирал две-три жертвы, однако это не могло остановить продвижения уступов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlov_aleks/kryl-ya-ognennyh-dragonov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)